

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

ПРИВорот для ЗОЛУШКИ

15 золотых правил,
которые
принесут
вам счастье
в любви!

Правило № 1:
Если ты себя
не любишь,
то тебя никто
и не будет
любить.
Нужно полюбить
себя.

ХОЗЯЙКА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Хозяйка своей судьбы

Людмила Зарецкая

Приворот для Золушки

«ЭКСМО»

2014

Зарецкая Л.

Приворот для Золушки / Л. Зарецкая — «Эксмо»,
2014 — (Хозяйка своей судьбы)

Вокруг туристического агентства «Вип-тур» разгораются настоящие страсти, когда при странных и загадочных обстоятельствах гибнет несколько их клиентов. В центре скандала оказываются руководители компании – ловелас Стас Развольский и его штатная «золушка» – Наталья Удальцова. Слепая любовь к своему эгоистичному и беспринципному боссу, который легко и не задумываясь подставляет ее при первом же удобном случае, заводит ее в пропасть отчаяния. Оказавшись без работы, без денег, без друзей и без всяческой поддержки, она должна будет не только заново научиться жить, рассчитывая только на саму себя, но и раскрыть преступления, сыгравшие роковую роль в ее жизни, а самое главное – «воздать по заслугам» бывшему боссу, восстановить справедливость и найти саму себя. Книга также выходила под названием «Капкан для Золушки».

© Зарецкая Л., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Людмила Зарецкая

Приворот для Золушки

© Зарецкая Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Расстройство привычек

Чтобы выглядеть как богиня, нужно 20 минут.

Но чтобы выглядеть естественно, нужно 3 часа.

Янина Ипхорская

Моему деду, под фамилией которого выходят мои книги. Умение складывать слова в предложения мне досталось по наследству именно от него, всю жизнь проработавшего журналистом. Помню и люблю.

«Матре-на! Матре-на!»

Голос за окном был настолько пронзительным, что проснувшаяся Наталья невольно поморщилась. Взгляд на часы подтвердил ее худшие опасения. Полседьмого, еще можно спать часа полтора. Но уснуть вряд ли удастся, через двадцать минут встанет Ленчик, захлопает дверь туалета, собака засуетится в предчувствии завтрака, зацокает лапами по плитке в прихожей. Вода застучит тугой струей о дно ванны. В общем, дом наполнится утренними звуками, неспособными разбудить, если ты крепко спишь, но и не дающими заснуть, если ты уже проснулась.

«Матре-е-ена! Кис-кис-кис. Иди сюда, я тебе рыбку принесла».

ТЬфу ты, проклятие. Эту Матрену, толстую облезлую кошку с наглыми глазами, Наталья ненавидела. Животина смотрела всепонимающе, заставляя ее вспоминать о своих грехах (а их, что ж поделать, было немало). Кроме того, кошка безбожно гадила в подъезде. В любое время года, выходя на лестничную клетку или входя в подъезд, Наталья чувствовала неповторимое амбре, опускающее их вполне благопристойный дом до уровня окраинной хрущобы.

Хозяйку кошки Матрены Наталья не любила еще больше. Между вертлявой тощей старушенцией по имени Мария Ивановна и семьей Удальцовых давно возникло противостояние, неделю назад переросшее в открытую войну.

Восьмилетний Ромка, уходя в школу, забыл дома ключ. Ленчик не проверил, а Наталья, как водится, еще спала. В результате сын, вернувшись с уроков, поцеловал входную дверь. В подъезд он все-таки попал благодаря спешившим на обед соседям. Парень не растерялся, с соседского моби́льника (о своем второклассник Ромка еще только мечтал) позвонил Наталье и остался ее ждать, уютно устроившись на подоконнике между вторым и третьим этажом.

Здесь-то его и застучала возвращавшаяся из магазина Мария Ивановна. Уж чем ей не угодил болтающий ногами пацан, так и осталось тайной. Но бабулька, несмотря на немощь, обладающая недюжинной силой, стащила его за эти самые ноги на пол.

Прискакавшая с работы Наталья обнаружила сына заходящимся в рыданиях, забившимся под лестницу, с огромной шишкой на голове. Вечером вернувшийся с работы Ленчик отправился разбираться с бабкой. Он орал на весь подъезд, а назавтра к Удальцовым пришел участковый. Мария Ивановна написала заявление о рукоприкладстве.

Ленчик лишился дара речи, потому что не трогал старуху даже пальцем. Участковый сочувственно кивал головой, цену Марии Ивановне и ее рассказам он знал отлично, но, уходя, посоветовал быть аккуратнее.

Удальцовы стали избегать старушенции. Наталья даже начала встречать Ромку из школы, чтобы он не входил в подъезд один. Однако подлая старуха не успокаивалась. Жалобу на то, что сосед Леонид Удальцов систематически оскорбляет ее нецензурной бранью, а также избивает ногами, она отнесла в ЖЭК и вдобавок отправила Наташке на работу. Место работы самого Ленчика она, к счастью, не знала.

Еще одним вариантом мести со стороны бабки был мусор, регулярно подкладываемый в почтовый ящик Удальцовых. К примеру, только вчера Наталья обнаружила там наполовину сгнившую селедочную голову. Пользоваться продизенфицированным, но все равно воняющим ящиком стало невозможно. Как избавиться от напасти в виде полоумной соседки, Наталья совершенно не представляла.

«Матре-е-на!»

Еще раз тяжело вздохнув, Наталья вылезла из кровати и поплелась в ванную. Из зеркала на нее смотрело бледное лицо с синими подглазниками и взлохмаченными волосами. «И что Развольский во мне нашел?» – привычно подумала она.

Утренняя маета проходила, мысли прояснялись. Боль, привычная, застарелая, возвращалась на свое законное место, распускаясь кольцами, занимая все пространство и в голове, и между животом и сердцем, где, по разумению Натальи, обреталась душа.

Причину этой боли – любовь к своему шефу, красавцу и ловеласу Станиславу Развольскому, – Наталья привыкла считать чем-то средним между бедой и болезнью. Насколько спокойной с самого начала была ее семейная жизнь с Ленчиком, настолько бурным и мучительным стал этот затянувшийся и, по большому счету, никому не нужный роман.

Наталья точно знала, что Развольский изменяет жене не только с ней, но и с другими женщинами. Даже на работе у него приключались две-три интрижки в год, которые зарождались, расцветали и отмирали у нее на глазах. Наталья мучилась, но терпела. Стоило только Развольскому посмотреть на нее глазами цвета топленого шоколада, отороченными пушистыми, по-женски длинными ресницами, как она тут же таяла и забывала все данные самой себе клятвы выжечь любовь к нему каленым железом.

В разговоре с подругами Наталья утверждала, что последние пять лет у нее функционирует только одно полушарие. Лишь половина мозга контролирует ведение всех дел их турагентства, воспитание Ромки, хлопоты по хозяйству, общение с мамой, встречи с друзьями, минимальное внимание к Ленчику и разгадывание кроссвордов – хобби с институтских времен...

Второе полушарие наглухо занято Развольским. Его настроением, обострившимся геморроем, ссорами с женой, недовольной складкой на переносице, взглядом, которым он «не так» одарил ее, Наталью, возможными причинами его недовольства. Хотя Наталья очень старалась, чтобы этих причин не было.

Развольский присутствовал в ее мыслях постоянно. Иногда уходя на задний план, например, когда у Ромки поднималась температура, но все-таки не покидая их насовсем.

Функционировать одним полушарием было трудновато, но Наталья пока справлялась.

Благодаря раннему пробуждению времени было навалом. Поэтому она с удовольствием приняла душ с тонизирующим гелем, намазала тело душистым молочком, подходящим к любимым духам, представила, как Развольский блаженно вздохнет, уткнувшись носом в ложбинку между грудями, крепко зажмурилась от последовавшей за этим картины, решительно помотала головой, отгоняя наваждение, и стала ожесточенно тереть лицо скрабом.

Минут через пятнадцать, когда в коридоре зашлепали шаги мужа, она была уже вполне довольна собой.

«Килограммов бы пять скинуть», – напоследок подумала она и, намотав на голову полотенце, выплыла из ванной.

– Ты чего в такую рань встала? – спросил возившийся на кухне Ленчик.

– Да бабка проклятая опять свою кошку звала. Я от нее, Лень, когда-нибудь с ума сойду, – жалобно ответила Наталья.

– От кого от нее, от бабки или от кошки? – Ленчик преподавал в педуниверситете русский язык и не терпел вольного обращения со словом.

– Да от обеих, – махнула рукой Наталья и заглянула в холодильник, размышляя, что бы съесть.

С лишним весом она боролась ожесточенно. Борьба была беспощадной и бессмысленной, как русский бунт. Потерянные ценой двухнедельного голодания килограммы через пару дней обычного питания упорно возвращались обратно. Ленчик всех этих мучений не понимал, считая 46-й размер жены вполне нормальным.

Подруги Лелька, носившая 48-й, и Настя, имеющая добрый 52-й, оставляли Наталье надежду, что жизнь все-таки проходит не напрасно. Однако ее лучшая со школьных времен подруга Алиса носила 44-й, а Инка и вообще 42-й, так что, глядя на них, Наталья всегда чувствовала себя жирной неудачницей.

Самое печальное, что жена Развольского Ирина тоже держалась в 42-м размере. Отправляясь с Натальей за границу, Стас обязательно покупал какое-нибудь Burgerгу или еще что-нибудь подобное из мира высокой моды с наглой надписью XS, европейским числом 34 или американской четверкой на бирке. Наталья застывала у стойки с восьмеркой или «эмкой», стесняясь примерить понравившуюся вещь. Ирину она ненавидела.

Оглядев полку с ровными рядами творожка «Данон», Наталья в сотый раз за утро вздохнула и закрыла холодильник. Вьющийся рядом коккер-спаниель Сеня, любимец всей семьи и главный враг кошки Матрены, на мгновение застыл и тоже вздохнул. Он уважал только открытый холодильник.

– Бутерброд сделать? – участливо спросил Ленчик. Наталья ожесточенно замотала головой.

Муж варил кофе. Все девять лет их брака Наталья, просыпаясь, находила на плите турку со свежесваренным, пусть и остывшим кофе. Она даже привыкла пить его холодным, потому что подогревать было лень.

«И почему я его не люблю, – снова привычно подумала она, глядя, как Ленчик сосредоточенно следит за поднимающейся, словно вязаной пеной. – Он в тысячу раз лучше Стаса. Порядочный, добрый, чуткий. Хотя нет. Лучше Стаса никого быть не может. Он – особенный. Самый красивый, самый сексуальный, самый потрясающий...»

Поймав себя на том, что она вновь позволила мыслям свернуть на Развольского, Наталья вздохнула в сто первый раз.

– Что вздыхаешь, соня? – тут же отреагировал Ленчик. – Не выпалась? Нужно было утренние сны смотреть, а не бабку сумасшедшую слушать. Будешь теперь целый день носом клевать.

В комнате у Ромки зазвенел будильник. Звонко застучали маленькие пятки, зажурчало в туалете, снова топот, и в кухню ворвался сын – круглая заспанная мордуленция, тощая попка, обтянутая пижамными штанами, копна вьющихся (смерть девкам) волос, на носу конопушки.

– Доброе утро, пап. Мам, а ты чего встала?

Отпивая маленькими глотками кофе, Наталья с удовольствием наблюдала за утренней суебой своего семейства. Обычно она просыпалась, когда дома оставался один Сеня. Вот Ленчик жарит Ромке яичницу, а сын деловито решает, прокалывать сегодня «глаза» или нет... Вот Сеня торопливо ест свою кашу, а потом возвращается на «вахтенное место», поближе к Ромке, который, конечно же, втихоря спускает ему под стол здоровенный кусман булки с маслом... Вот ее мужики натягивают ветровки и проверяют, не забыли ли они чего: Ленчик, хлопает себя по карманам в поисках ключей, Ромка судорожно роется в школьном рюкзаке.

Чмок. Чмок. Хлопает входная дверь. Ромка убежал в школу, а Ленчик сейчас выгуляет Сеню и ненадолго вернется. Надо выйти в коридор, чмокнуть его еще раз, а то обидится. Интересно, а Ирина целует Развольского перед его уходом на работу?

Спустя час элегантно одетая и умело накрашенная Наталья вышла из дома, счастливо избежав встречи с неприятной соседкой, села в свой «Фольксваген» и поехала в агентство. Ее ждала настоящая жизнь, которая начиналась каждый день, кроме выходных, ровно в 9 утра – со

встречи с Развольским и не сулила на сегодня никаких неприятностей. В тот момент Наталья считала именно так.

Любовь – это болезнь. Это не я придумала, а ученые подтвердили. И не какие-то там никому не известные, а эксперты Всемирной организации здравоохранения. ВОЗ даже присвоила этой болезни международный шифр F63.9 и внесла в раздел нервных болезней под пунктом «Расстройство привычек и влечений неуточненное». Вместе с алкоголизмом, клептоманией, игроманией и токсикоманией. Соседство, конечно, мало-приятное. Зато правда.

И заражаются этой болезнью все без исключения. Правда, в зависимости от защитных сил организма по-разному. Кто-то легко подхватывает «инфекцию» при первом же сквозняке чувств. Зато и переносит ее легко, как насморк, практически на ногах.

Кто-то переживает любовь, как малярию, с тяжелыми приступами жара, сменяющегося диким ознобом, трясясь в лихорадке, стуча зубами в непереносимой муке и расслабляясь между приступами, возвращаясь к нормальной жизни, в которой ничто не напоминает о том, как это было. Ничто не предвещает нового припадка, но он, как ты знаешь, обязательно будет.

Для кого-то любовь – корь. Детская, совсем не страшная болезнь, запоминающаяся высокой температурой (всего лишь на несколько дней, подумаешь) и оставляющая стойкий иммунитет на всю жизнь. Для кого-то – вирусный гепатит, чреватый серьезными последствиями для печени и приводящий к летальному исходу в случае осложнений.

Для кого-то любовь – рак, разъедающий внутренности. Разрастающаяся опухоль, вытесняющая нормальные мысли и эмоции, заполняющая собой весь организм, заставляющая его работать только на себя, сжедая его без остатка. Единственное спасение – в своевременном хирургическом вмешательстве. Если повезет, оно пройдет успешно и есть шанс выжить. Если нет, то тебе уже никто и ничто не поможет. Метастазы твоей любви заставят корчиться в жутких муках, сожгут дотла, выпьют все соки, равнодушно наблюдая изнутри за твоими страданиями. Смеясь над твоей болью. Над твоими слезами. Твоими тщетными попытками остаться в живых.

Ученые из Всемирной организации здравоохранения! Ну придумайте же прививку от такой страшной, непоправимой болезни, как любовь. Мы все – переболевшие и пока не заразившиеся, выжившие и погибшие – мы все очень надеемся на вас!

Неужели это он? Господи, помоги мне не ошибиться! Это ведь так важно! Десять лет мне снилось это лицо. Красивое, это да, но какое-то порочное. Может быть, мне так кажется, потому что я знаю, что он действительно порочен. До мозга костей, до последней капельки своей вонючей подлой крови.

Я никак не ожидала его увидеть. Тем более вот так. Без всякого предупреждения. Десять лет как я ищу это лицо на улицах. Не специально – подсознательно. Надеюсь встретить и сказать: «Ты подонок. Ты убил мою сестру».

Было время, когда я мечтала об этой встрече, бредила ею. Представляла, как он бледнеет, теряет самообладание, как на нас начинают оборачиваться окружающие, а я рассказываю им всю правду про этого мерзавца. Севу, Савву, Славу? Господи, я уже даже забыла, какое имя назвала мне Лена тогда, когда я первый и последний раз его увидела.

С годами мечта стала мельчать, стираться. Я поняла, что Лена ушла совсем, и никакая встреча и никакая правда не способна ее вернуть. Я успокоилась, перестала часами бродить по улицам, пересаживаться из одного троллейбуса в другой, перескакивать из трамвая в трамвай

в надежде поймать это красивое ненавистное мне лицо с чуть искривленным носом, тонковатыми, немужскими губами и чубом над лбом.

Я почти забыла это лицо. И теперь, когда я его наконец-то увидела, я не уверена, что не обозналась. Решено. Как только вернусь, я снова пойду туда, чтобы как следует его рассмотреть. Если это действительно он, я его уничтожу. Я сделаю так, что от него уйдет жена, если, конечно, она у него есть. Его выгонят с работы. Его имя будет покрыто несмываемым позором. И тогда Лена будет отомщена. Хотя ее это, конечно, все равно не вернет.

Глава 2

Правила женской конкуренции

Если женщина идет с опущенной головой, у нее есть любовник.

Если женщина идет с высокоподнятой головой, – у нее есть любовник.

Если женщина держит голову прямо – у нее есть любовник.

И вообще – если у женщины есть голова, то у нее есть любовник.

Фаина Раневская

Поднявшись на второй этаж крупного офисного центра, где располагалось туристическое агентство «VIP-тур», Наталья счастливо поняла, что Развольский уже приехал. В воздухе висел густой запах его одеколона, который она даже при сильном насморке не могла перепутать ни с каким другим. Развольский всегда благоухал «Живанши», и Наталья этот запах обожала.

Она вспомнила, как однажды стояла в небольшой очереди, создавшейся у кассы в книжном магазине, и вдруг почувствовала этот аромат, сводивший ее с ума. Сердце подскочило к горлу от мысли, что рядом стоит Стас. Наталья стремительно обернулась. Позади обнаружился благообразный дядечка средних лет. Поймав взгляд симпатичной блондинки, он улыбнулся, но Наталья не смогла скрыть недовольной гримасы. Стремительно накатило разочарование. Не он. Показалось. Не увижу.

Но сейчас в офисе пахло именно Развольским, и, входя в их общую приемную, Наталья чуть ли не напевала.

При виде секретарши Ани ее настроение, впрочем, слегка испортилось. Аня работала у них третью неделю и старательно липла к Развольскому. В ход были пущены обычные женские уловки: юбка, открывающая длинные ноги и едва прикрывающая попу, короткие маечки, из-под которых при каждом движении вылезал проколотый пупок с фальшивым бриллиантом, соблазнительное покачивание бедрами при ходьбе и томные взмахи ресницами.

Пару дней назад секретарша пустила в ход убойное оружие и принесла на работу альбомчик с видами своего летнего отдыха. Наклонившись над столом Развольского так, что он практически упал носом в ее вырез, Аня продемонстрировала шефу товар, что называется, лицом. На фотографиях она была в весьма откровенном купальнике, который многообещающе намекал Развольскому на то, ЧТО именно он может приобрести в свое пользование.

При виде всего этого Наталья озверела, а Развольский самодовольно заулыбался. Если он пока и не переспал с очаровательной секретуткой, то точно намеревался сделать это в самое ближайшее время.

Сегодня Аня была в новой джинсовой мини-юбке, туго обтягивающей ляжки, турецкой майке с надписью «Шанель», колготках в сеточку и босоножках из искусственной кожи. Проходя мимо, Наталья фальшиво улыбнулась и мимоходом заметила, что лак на ногах у секретарши изрядно облупился. «Боже мой, какая дешевка, – с горечью подумала она. – А ведь Стас все равно ее трахнет. Он эстет, конечно, но только до некоторого томления в паху».

Переборов желание сразу же зайти к нему, чтобы поздороваться, Наталья взялась за дверную ручку своего кабинета, но тут Развольский стремительно вылетел в приемную, и Наталью затопила привычная волна нежности. «Стас. Стасик. Родной мой. Как же я по тебе соскучилась со вчерашнего дня», – пронеслось у нее в голове, но она лишь дежурно улыбнулась, соблюдая приличия.

– Доброе утро, Стас.

– Привет, Натусь. Я планерку созвал на 9.30. Ты загляни ко мне, обсудим, что и как.

– Конечно, сейчас сумку только положу, – ответила Наталья, огромным усилием воли заставляя себя не мчаться со всех ног к нему в кабинет.

– Анютка, душа моя, а ты свари мне кофе и проследи, чтобы нам с Натальей Петровной никто не мешал. Нам нужно обсудить вопрос возможного стратегического партнерства со шведами.

– Хорошо, Станислав Николаич, – «душа» взмахнула ресницами с налипшей тушью и встала со стула, вильнув бедром. Наталье захотелось ее задушить.

Когда все необходимые к планерке бумаги были разложены на столе для переговоров, кофе сварен и подан (при этом мерзавка Анечка умудрилась ягодичей задеть Стасову руку), а дверь закрыта, Развольский подошел к Наталье и грубо притянул ее к себе:

– Ну, здравствуй, Заяц.

Ласкательные имена Наталья ненавидела. От них на версту разило чем-то ненатуральным. Похожим на фальшивый бриллиант в пупке секретарши. Однако Развольский такие словечки обожал. Жену Ирину он в телефонных разговорах звал Масюской. А она его, Наталья своими ушами однажды это слышала, – Масяской. Ее, Наталью, тогда от этого чуть не стошнило.

У них в семье мама и папа всегда называли друг друга только по имени. И с Ленчиком у них было не принято обмениваться какими-то дурацкими кличками. Но Развольскому Наталья прощала все, в том числе это.

– Здравствуй, солнце мое. Как вечер прошел, как ночь?

Вопрос не был праздным. Развольский, а вслед за ним и Наталья, трепетно относился к собственному здоровью. Вскочивший на лице прыщик был явным началом раковой опухоли. Запор грозил отравлением организма шлаками. Понос, спаси господи, обезвоживанием.

При малейшем подозрении на насморк Развольский спешил в постель. Участь обкладывать его бутылками с горячей водой и подносить обильное питье выпадала на долю Ирины, которой Наталья безумно завидовала.

– Все нормально, Заяц. Печень, правда, немного пошаливает, но ты не волнуйся, – Развольский заметил, как у Натальи изменилось лицо, – думаю, это от креветок. Не надо было есть их на ночь.

Он рывком вытащил блузку Натальи из юбки и жадно схватил ее за грудь.

– Как тут у нас?

– Стас, перестань, планерка же сейчас. Вдруг войдет кто, – слабо засопровтивлялась Наталья, чувствуя горячую волну, стремительно нарастающую между ногами. Почему она так реагировала на своего начальника, было для нее загадкой. Совершенно спокойно относящаяся к сексу в принципе, Наталья прекращала соображать, стоило только Станиславу взять ее за руку.

– Неа, не перестану. Я соскучился, – пробурчал Развольский, припадая губами к ее соску.

– Перестань сейчас же. Немедленно. Что люди скажут?

– Ничего не скажут, – Развольский нехотя выпустил Наталью и вернулся в кресло, поправляя вздувшиеся спереди брюки от дорогого костюма. – Ничего не скажут, Заяц, будут завидовать молча.

– Кому завидовать? – Наталья судорожно заправляла блузку, ей показалось, что в приемной хлопнула дверь.

– Тебе, конечно, – Развольский оглушительно захохотал. – Как будто ты не знаешь, что по мне половина нашего коллектива сохнет. Так что тебе, Заяц, сильно повезло в этой жизни.

– Так же сильно, как и второй половине нашего коллектива, – съязвила Наталья.

– Ну-ну, перестань ревновать. Я, между прочим, пять лет с тобой встречаюсь. Честно говоря, сам от себя не ожидал такого постоянства.

– А что там со шведами? – спросила Наталья, пытаясь переменить тему.

– Да ничего. Это я нашей курочке для отвода глаз сказал.

– Жаль, – искренне огорчилась Наталья, – я их ответа уже три недели жду.

– Ой, Натусь, да не относись ты к этому с таким фанатизмом. Неделей меньше, неделей больше, какая разница.

– Как какая? – Наталья даже рот открыла от изумления. – Это же выводит нашу фирму на совершенно новый уровень! Стас, ну будь ты серьезней. Это же твой бизнес, не мой. Я тут всего лишь исполнительный директор, наемный работник. А ты владелец. Ты же не можешь не понимать, что нам сулит сотрудничество со шведами! И вообще. Я столько сил убила на эти переговоры...

– Я ценю, Натусь. Честное слово, ценю. Просто у меня все мысли внизу. Прямо сидеть неудобно, – и Развольский неприлично облизал губы. Наталью охватил жар, от которого зарделись щеки и запылали уши.

Постепенно кабинет набивался сотрудниками. Поднялся обычный деловой шум. Лето уже позади, но бархатный сезон в самом разгаре, и туристический ажиотаж пока не спадал. Деньки для агентства были довольно жаркими. Где-то посольства тянули с выдачей виз. Где-то зарубежные партнеры подвели с трансфером. Кто-то из клиентов потерял в чужой стране паспорт и не мог вернуться домой забронированным рейсом.

Наталья умело управляла рутинными потоками, давала поручения, выслушивала отчеты. Развольский барственно развалился в кресле, особо не вникая в происходящее. Он знал, что она ничего не пропустит.

– Володя, а что у нас с новыми рекламными буклетами? – спросила Наталья у директора по маркетингу. Парень ей нравился. Он обладал бульдожьей хваткой, умело выбивал скидки с рекламных агентств и никогда ничего не забывал. Это качество Наталья в нем ценила больше всего, пожалуй, за исключением легкого открытого характера.

– Все нормально, Наталья Петровна, после планерки я их вам занесу. Выберите, что понравится, – откликнулся он, и Наталья благодарно улыбнулась.

В этот момент открылась входная дверь, и в кабинет ввалилась Верочка, менеджер по продажам.

– Представляете, – возбужденно закричала она, – одна из наших клиенток в восемь утра выбросилась из окна! Только вчера вечером вернулась из Турции – и того, каюк. Из милиции звонили, сейчас приедут. Они у нее на столе договор с нашим агентством нашли.

В кабинете повисла нехорошая тишина.

«Интересно, эта пигалица сама в окно сиганула или все-таки помог кто?» – лениво думал капитан Бунин по дороге с места происшествия в крупнейшее городское турагентство. С одной стороны, никаких следов, указывающих на то, что 28-летнюю Ангелину Степановну Маркелову (незамужняя, бездетная, образование высшее, кредитный инспектор в банке) выбросили с восьмого этажа, не было. С другой – предсмертной записки она не оставила, да и причин покончить жизнь самоубийством у нее, если верить соседям, тоже не наблюдалось?»

В квартире Маркеловой (добротой отремонтированной и со вкусом обставленной) все свидетельствовало, что гражданка явно не бедствовала. На прикроватной тумбочке валялись небрежно брошенные колечки – два с бриллиантами, третье с сапфиром. В ушах, как Иван успел заметить, тоже были брюлики.

«Ирке бы такое колечко подарить, – мимоходом подумал Бунин. – Вот бы обрадовалась. Но мне с моей зарплатой не осилить. Кстати, девушка Маркелова у нас всего лишь кредитный инспектор, тогда камушки откуда? От родителей? От любовника? Вот дождусь, что Ируська тоже себе такого найдет, богатого. Хотя нет, Ирка – она не такая...»

На столике в гостиной лежал договор с туристической компанией, в комнате стоял наполовину распотрошенный чемодан, и бдительная соседка с третьего этажа доложила, что

«Гелечка буквально вчера вернулась из турне». В заграничном паспорте действительно стояла свежая турецкая виза.

Один из оперативников отправился к Маркеловой на работу, другому выпала печальная участь сообщить о происшествии ее родителям, а Бунин поехал в турагентство. Чем черт не шутит, вдруг в путешествие девушка ездила не одна. Глядишь, и найдется какой-нибудь богатенький Буратино, способный выдавать на гора бриллианты и поездки к морю.

В агентстве Бунину были не рады. Скрытую агрессию он почувствовал прямо с порога дорого обставленного кабинета, табличка на котором (он успел ее прочесть) гласила: «Наталья Петровна Удальцова, исполнительный директор».

Этой Наталье Петровне было слегка за тридцать. Фигура неплохая, женственная, округлая, без модных нынче угловатостей. Одежда дорогая, сразу видно. И подобрана со вкусом. Не то что у девчонки в приемной. Лицо симпатичное, смутно знакомое, но бледное. «Волнуется, – понял Бунин, подбираясь, как гончая перед рывком. – А с чего бы ей волноваться? Или она близко знала убитую?»

– Проходите, – отрывисто бросила Наталья Петровна и рукой указала на дорогое, обитое кожей кресло. – Простите, но у меня очень мало времени.

– А я могу и не к вам, – покладисто кивнул головой Иван. – Директором у вас трудится господин Развольский, если не ошибаюсь. Я готов переговорить с ним, раз вы заняты.

– Станислав Николаевич занят еще больше. Кроме того, речь, насколько я поняла, идет о гибели нашей клиентки, а клиентскую базу веду я. Так что он не сможет быть вам полезен.

– Как скажете, – согласился Иван и опустился в удобнейшее кресло, вновь испытав легкий укол классовой неприязни. – Погибла Ангелина Степановна Маркелова, только вчера утром возвратившаяся из Турции, куда она ездила по вашей путевке. Что вы можете о ней рассказать?

– Ничего, – пожала плечами Удальцова. – Вернее, почти ничего. Я знаю ее паспортные данные, вот, пожалуй, и все. Услугами нашего агентства она пользовалась впервые, так что ее пристрастия в выборе стран и курортов мне неизвестны.

– Она уехала одна?

– Нет.

– А с кем?

– Простите, как вас зовут?

– Капитан Бунин Иван Александрович.

– Бунин? Я про вас слышала.

– Естественно, только плохое, – Иван изогнул бровь.

– Нет, разное. Дело в том, что я подруга Алисы Михайловны Стрельцовой.

– Тьфу ты, блин, – вырвалось у Ивана, прежде чем он успел поймать себя за язык.

К Алисе Михайловне Стрельцовой у него было сложное отношение. Она проходила свидетельницей по недавно завершённому делу. Ее любовника убили, и дама почему-то вообразила, что Бунин считает ее причастной к этому преступлению. Это было полным бредом, но Алиса начала собственное расследование, чуть было не став еще одной жертвой преступника. (Подробнее в романе «Ураган по имени «Алиса»).

С Буниным у нее не заладилось с самой первой встречи, когда Алиса снабдила его противной кличкой Таракан. Для того чтобы от нее отвязаться, он даже сбрил свои рыжеватые усы. Хотя нет, про усы его попросила Ирочка, с которой он познакомился в конторе у этой самой Алисы. Так что Стрельцовой он благодарен хотя бы за встречу с Ирочкой. Тем более что та говорит, что ее начальница – отличная баба. А это, получается, ее подруга. Тоже та еще фифа, по всему видно.

– Так вот, уважаемый Иван Александрович, – вылетевший «блин» фифа предпочла не замечать, – Ангелина Маркелова ездила отдыхать не одна. У нее был заказан двухкомнатный

люкс в одном из лучших отелей Турции, в «Титанике», если вам это о чем-нибудь говорит, конечно.

– Конечно, – закивал головой Бунин, – «Титаник» – это такой утонувший американский корабль.

– Не ёрничайте. Вам не идет, – серьезно сказала подруга Алисы Стрельцовой, и Бунин сразу вспомнил про Таракана. – Путевка в этот отель на 11 дней стоила почти пять тысяч долларов на двоих. Нашим партнером выступила самая дорогая и надежная туристическая фирма «Тур Тревел», перелет был заказан в самой лучшей авиакомпании, индивидуальный трансфер до отеля, дополнительная медицинская страховка на каждого... В общем, я хочу вам сказать, что Ангелина Степановна, конечно, не смогла бы оплатить такой отдых самостоятельно.

– Ну и?

Удальцова недоуменно посмотрела на капитана:

– Что?

– Я жду фамилию того человека, с которым она летала в Турцию.

– Иван Александрович, это очень известный человек. Я не сомневаюсь, что вы тоже знаете его фамилию. Не думаю, что мы вправе нарушить тайну его личной жизни. Сами понимаете, он женат.

– Наталья Петровна, речь идет либо о самоубийстве, либо, что не исключено, об убийстве человека. Давайте не будем разводить эти ваши бабские антимонии и деловой этикет. Вы прекрасно понимаете, что я подниму авиабилеты и все равно узнаю, кто сидел в соседнем кресле с убитой.

– Понимаю, – вздохнула Наталья и удрученно посмотрела на капитана. – Это был Сергей Васильевич Муромцев.

Бунин смачно и от души выругался.

Несмотря на утреннее происшествие, настроение у него было отличное. В конце концов, эта дура давно нарывалась на неприятности. Что ж, теперь она больше никогда не будет ему докучать. С ним эти бабские штуки не проходят. И предупреждал ведь, чтобы она никогда, никогда не позволяла себе повышать на него голос. Да еще это дурацкое требование жениться... Интересно, все-таки почему бабы так устроены, что им обязательно нужно создать себе курятник?

В общем, он рад, что наконец-то от нее избавился. Она кричала, что он останется один. Ну, точно, дура – она дура и есть. Да у него от баб отбоя нет. Ему стоит только пальцем щелкнуть, как у него тут же появится новая любовница. Да хоть три, только это больно уж хлопотно. Да и дорого тоже, чего скрывать. И хотя с деньгами у него давно уже нет проблем, глупо тратить их на баб. Все равно не оценят.

Интересно, кого теперь выбрать? Может быть, Карину? Хороша девка, ничего не скажешь. Но цену себе знает. Недавно, недели три назад, он кинул пробный шар – сводил ее пообедать. Так она, игриво глядя на него, заказала тигровых креветок в соусе. Полторы тысячи за порцию. И сказала, проникновенно глядя в глаза: «Я, знаешь ли, девушка избалованная, мне угодить непросто».

Он тогда намек понял и отвалил. Тем более что с прежней любовницей на тот момент отношения пока еще не испортились. А сейчас... Может, попробовать? Попытка – не пытка, как говорил товарищ Сталин. Денег, конечно, придется потратить немало. Не без этого. Зато девка – огонь, в постели, сразу видно, кувыркать будет умело. Он такие вещи на раз просекает. С его-то опытом.

А может быть, остановиться на Юльке? С той проблем совсем не будет. Смотрит, овца, влюбленными глазами... Да она с него пылинки сдувать станет. От радости, что он на нее внимание обратил. Она, правда, похоже, неопытная совсем, но опыт – дело наживное. Иногда ради

разнообразия даже интересно почувствовать себя учителем. Тем более что запасной аэродром у него всегда есть. Сколько он с ней лет? Больше пятнадцати, это точно. Эта баба – в его жизни большая удача. Страстная, терпеливая, ничего не просит, все прощает. Пришел – хорошо. Не пришел – тоже ладно. Таких бы побольше, житуха была бы – закачаешься.

В общем, пожалуй, сегодня он ее приголубит, а дальше видно будет. Куда кривая вывезет, там и хорошо. И здорово все же, что он от этой козы отделался. Даже не ожидал, что это будет так легко. Прямо прет от этого со страшной силой! Полдня настроение хорошее. Пожалуй, так он в дальнейшем и будет поступать всегда. Ему этих коз не жалко.

Глава 3

Как титан сбежал с «Титаника»

Чтобы достичь успеха, нужно быть обаятельным. Обаяние проявляется во всем и ни в чем одновременно – в исходящей от вас энергии, во взгляде, походке, телосложении, звуке голоса, изящной жестикуляции. Вовсе не обязательно быть признанным красавцем или красавицей, главное – обладать личным обаянием.

Сара Бернар

Она обожала море. Уже по дороге из аэропорта, после годового перерыва увидев волны, набегающие на прибрежную гальку, она поняла, что отпуск обязательно будет удачным.

Во-первых, так, как на море, Алиса Стрельцова не отдыхала нигде. Оно лечило не только тело, но и душу. Лежа на пляже, она просто физически ощущала, что становится совершенно другим человеком. Никакие заботы, проблемы, бизнес не имели никакого значения. Во-вторых, в этом году она особенно заслужила релакс.

«Интересно, еще когда-нибудь в моей жизни будет столько событий, сколько приключилось за последние шесть месяцев? – лениво думала она, лежа на пляже и глядя на волны, лизавшие песок. – Сначала я влюбилась в человека, который использовал меня в своем частном расследовании. Более того, некоторое время он даже считал меня преступницей, торгующей наркотиками и человеческим телом, а я, дура наивная, искренне собиралась за него замуж».

Она с горечью вспомнила, как этот человек бросил ее ради ее же одноклассницы и даже сходил с ней в ЗАГС. Правда, позже выяснилось, что это тоже было частью игры: одноклассницу он не любил, но Алисе от этого, в принципе, было не легче.

Она вздрогнула, представив, что было потом. Ее несостоявшегося жениха убили, а она сама оказалась в эпицентре детективных страстей. Мысль о том, как она взялась самостоятельно искать преступника, была ей неприятна. Себе Алиса всегда старалась говорить правду. А теперь она отчетливо понимала, сколько глупостей наделала. Оскорбила нескольких ни в чем не повинных людей, в том числе собственную свекровь. К счастью, бывшую. Более того, до последней секунды так и не смогла правильно вычислить убийцу. Озарение снизошло на нее в тот момент, когда она уже оказалась в его лапах, то бишь немного поздновато...

Спасти удалось только благодаря тому, что она с детства была смекалистой девицей. В последний момент Алиса успела нажать кнопку вызова на мобильном телефоне, и человек, которому она звонила, обо всем догадался и выручил ее.

За то, что она осталась в живых, Алиса Стрельцова горячо благодарила не только Бога и своего нового знакомого Игоря Стрелецкого, но еще и капитана Ивана Бунина. Крови он ей попортил изрядно (правда, Стрельцова признавала, что ему она ее отравила гораздо больше), зато именно он возглавил операцию по ее спасению, в которой комар носа не подточил.

Алиса до сих пор жалела, что при первой встрече прозвала этого достойного человека Тараканом (но рыжие усы придавали ему потрясающее сходство с этим представителем отряда прямокрылых). При ближайшем рассмотрении он оказался очень милым. А Ирина, сотрудница брачного агентства «Зимняя вишня», владелицей которого была Стрельцова, в него и вообще влюбилась. Опыт свахи (очень солидный) подсказывал Алисе, что к Новому году они точно сыграют свадьбу.

Ну и, конечно, самое главное, что в ходе всех этих детективных событий Алиса познакомилась с Игорем. Это был лучший друг ее убитого возлюбленного. И оказавшись в руках убийцы, она бросилась за помощью именно к Игорю. С этим самым лучшим, самым умным,

самым верным и самым надежным человеком она теперь связывала некоторые надежды на будущее.

Стрельцова старалась не загадывать, будут ли они вместе. И все-таки загадывала, старательно скрещая пальцы на руке. Из суеверия. Уезжая от него в отпуск, она поставила себе задачу разобраться в собственных чувствах и мыслях. Скучать начала еще в Домодедово, когда с сыном Сережкой прошла паспортный контроль и повернулась помахать Игорю, который конечно же поехал их провожать. Он помахал в ответ, и она сразу почувствовала, что его уже не хватает.

Правда, первые пять дней, проведенные в Турции, она еще чувствовала себя ничего. Потому что практически все время спала. Ее подруга Наташка, работающая в туристическом агентстве, подобрала им с Сережкой замечательный отель неподалеку от Кемера. Построенный в виде большого корабля, носом разрезающего водную гладь бассейна, он назывался «Титаник». От красоты вокруг захватывало дух. У Алисы с сыном был роскошный номер, где она валялась в кровати до десяти утра. А затем шла на пляж, чтобы полюбоваться морем, затем минут тридцать покачаться на волнах, а потом уснуть на лежаке под навесом.

После обеда Алиса располагалась у бассейна, где тоже мирно подремывала, мало интересуясь окружающими событиями, а после обильного ужина снова шла на платформу у моря, где дышала мокрым морским воздухом, раскинувшись на огромных надувных подушках. Сережка, благодаря великолепной бригаде аниматоров, жил отдельной жизнью и совсем матери не докучал. Встречались они лишь в номере, часов в одиннадцать вечера.

Через пять дней такой растительной жизни Алиса поняла, что наконец-то начала испытывать эмоции. Во-первых, тоску по Игорю, с каждым днем все более острую. Он же, как на грех, вел себя очень странно. Они созванивались каждый день, но он явно чего-то недоговаривал. Алиса с некоторой горечью начала думать, что этот мужчина так и останется ее мечтой и самым лучшим воспоминанием.

Во-вторых, чтобы отвлечься от грустных мыслей, она с любопытством разглядывала отдыхающих. Сами знаете, как это интересно, – наблюдать за парочками, пытаться угадать, кто они такие, и придумывать, какой жизнью они живут.

На немцев, коих в отеле было большинство, она внимания не обращала. Они все совершенно одинаковые, запрограммированные, словно роботы. Каждый день делают одно и то же в одно и то же время. Занимают одни и те же лежаки у бассейна и столики в ресторане, по команде каждые полчаса ходят в море, вечерами сидят в одних и тех же летних кафе неподалеку...

А вот русские туристы – настоящая отрада для разгулявшейся женской фантазии. Особенно любопытно было наблюдать за одной парой, которую Алиса заприметила еще в самолете. Девуцу она не знала. Той было лет двадцать шесть – двадцать восемь, и она выглядела как типичная любовница, которую богатый «папик» вывез за границу. Щебечущая сексуальная курочка, обвешанная бриллиантами в полкарата. Она в них ходила даже на пляж.

А вот в «папике» Стрельцова с некоторым изумлением узнала довольно крупного в их городе бизнесмена Сергея Муромцева и сделала вывод, что он приехал в этот отель тоже через Наташкину фирму. Все приличные люди их города, а Муромцев, несомненно, входил в разряд приличных, пользовались исключительно услугами «VIP-тура».

Сделав это открытие, Алиса переключила свое внимание на другие пары. Походы господина Муромцева налево ей были в общем-то по барабану. Однако через несколько дней пара вновь стала вызывать ее пристальный интерес.

Между ними явно что-то происходило. Девуца, которую Муромцев звал Ангелочком, была чем-то сильно расстроена. Выглядела взвинченной, беспрестанно курила, при этом у нее дрожали руки. Однажды Алиса услышала, что они разговаривают на повышенных тонах, но тактично прошла мимо.

Назавтра Муромцев исчез. Как вскоре выяснилось, попросту улетел домой, бросив Ангелочка одну в чужой стране. Алиса недоумевала, чем могла до того насолить ему бедная девушка, чтобы он так жестоко с ней поступил. Ангелочек два дня проходила с красными глазами, много плакала, а потом тоже исчезла. Вернее, уехала. Сережка доложил Алисе, что видел, как она с большим чемоданом садилась в такси у ресепшен. Видимо, решила не оставаться одна и поменяла рейс.

Впрочем, долго думать об этом Алисе не пришлось, потому что в тот день, когда Ангелочек покинула отель, к ней приехал Игорь. Алиса нежилась в шезлонге у бассейна и пила очень вкусный коктейль «Малибу» (белый ром «Баккарди», синий ликер «Кюрасао», ананасовый сок, кокосовый сироп, взбитые сливки, кусочек апельсина – все вместе безумно вкусно!), как вдруг увидела мчащегося со всех ног со стороны отеля Сережку, который махал руками и громко кричал.

Бежал он при этом не к матери, а мимо нее, навстречу к какому-то господину в белых льняных штанах, стоимость которых Алиса на глаз оценила долларов в семьсот. Когда же с проснувшимся интересом она подняла глаза выше, то обнаружила, что к ней по песку идет улыбающийся Стрелецкий. И заорала примерно так же, как Сережка, переполошив кучку сидящих рядом степенных немцев, которые отдыхали с двумя внуками.

– Игорь! – вопила Алиса, повиснув у него на шее и покрывая его поцелуями. Меткость попадания значения не имела. – Почему ты мне не сказал, что собираешься приехать?

– Хотел сделать сюрприз, – смеялся он, подхватывая ее поудобнее. – Как вижу, он у меня получился.

– Получился, еще бы не получился! – Очередной поцелуй пришелся ему в ухо. – Как здорово, что ты приехал, ты даже представить себе не можешь, как я по тебе соскучилась!

– Почему же, очень даже могу, иначе бы меня тут не было, – отвечал он.

Влюбленные быстро собрали имущество и практически бегом отправились в номер. Сережка проводил их понимающим взглядом и прокричал, что, пожалуй, пойдет часика полтора покатается на водных горках.

Оставшиеся четыре дня пребывания в Турции обещали быть весьма приятными, так что несчастная Ангелочек и бросивший ее господин Муромцев окончательно вылетели у Алисы из головы. Ей не было до них никакого дела.

Она с нескрываемым любопытством смотрела на сидящего перед ней капитана. Он так виртуозно выругался, услышав фамилию Муромцев, что Наталья аж рот раскрыла. Ругательство было многоэтажным, сложным, раскрывающим всю глубину охвативших капитана эмоций, и при этом совершенно цензурным. Повторить его Наталья не смогла бы при всем желании.

В общем-то, она даже понимала, почему известие о друге Ангелины Маркеловой вызвало такую реакцию. Сергея Муромцева в городе знала каждая собака. Знала и предпочитала обходить стороной.

Ему было чуть за пятьдесят. С младых ногтей Сергей Васильевич занимался антиквариатом, в основном иконами. И официальные власти далеко не всегда одобряли его увлечение. В студенческие годы Муромцев отсидел пять лет за скупку краденого, но от любимого дела не отказался, дав себе, правда, зарок никогда больше не попадать за решетку.

Именно поэтому вся его дальнейшая, весьма бурная деятельность проходила на грани фола. Но все-таки удерживалась на этой грани. Закон он предпочитал не нарушать, а обходить, причем делал это до того легко и красиво, что все только диву давались.

Помимо своего первого, все же законченного после тюрьмы юридического образования Муромцев получил еще и второе – экономическое. В годы перестройки его фирмы росли, как трава после прополки дождливым летом. Сфера его интересов начиналась на антиквариате и...

нигде не заканчивалась. Он продавал срубы для бани, чернику и клюкву, иконы, деревенские прялки, чугун, орехи и чернобыльские яблоки, контрабандой ввозимые из Белоруссии.

Кроме того, он писал книги. Исторические труды с претензией на научность кляли историки и писатели, предавали анафеме священники и сметали с прилавков читатели. Последней любовью Муромцева стала политика. Он регулярно участвовал во всевозможных выборах и вот уже три года числился депутатом областного Законодательного собрания. К недовольству остальных депутатов, ярости губернатора и восторгу журналистов, которые на каждой сессии получали вожаденное шоу, по несколько дней не сходящее с экранов телевизоров и страниц газет.

Обо всем этом Наталья знала благодаря своей подруге Инне Полянской (творческий псевдоним Инесса Перцева). Инна работала журналистом в крупнейшей городской газете, а потому была полностью в курсе всех событий и биографий. Сергея Муромцева она характеризовала как «обаятельную сволочь», использовала как источник информации, но особо ему не доверяла, зная, что он в любой момент подставит и не задумается.

Для самой Натальи это был один из самых выгодных клиентов. По своей привычке брать лучшее Муромцев в частые заграничные поездки отправлялся только через агентство «VIP-тур». Работала с ним лично Наталья. И особым условием их договора был пункт о неразглашении как мест, в которых бывал Сергей Васильевич, так и сопровождающих его лиц.

До сегодняшнего дня Наталья свято блюла эти договоренности, и то, что ей пришлось нарушить данное слово, ее немного тревожило.

По реакции сидевшего перед ней блюстителя порядка она понимала, что персона нового фигуранта в деле ему не нравится. Личность Сергея Васильевича Муромцева гарантировала Ивану Александровичу Бунину хлопотные будни, несварение желудка и обязательный головной от начальства. Наталья ему от души сочувствовала, но помочь ничем не могла.

В то, что Муромцев мог выбросить Маркелову из окна, Наталья не верила. Слишком осторожным он был для этого, слишком расчетливым.

Капитан, которого ее подруга Алиса прозвала Тараканом, выругался еще раз, выбрался из удобного кожаного кресла и начал прощаться. Минут через пять после его ухода в кабинет заглянул Развольский.

– Натусь, пойдем пообедаем, – предложил он, и хорошее настроение к ней вернулось.

Она обожала смотреть, как Стас ест. Как настоящий сибарит, он выбирал в меню самые изысканные блюда и тонкие вина, после чего приступал к священнодействию. Глядя, как он отправляет в рот маленькие аккуратные кусочки, Наталья иногда забывала есть сама, настолько увлекала ее эта картина.

Полюбоваться жующим шефом ей удавалось нечасто. Конечно, когда в город приезжали иногородние делегации или предстояла встреча с деловыми партнерами, Развольский всегда брал ее с собой. Но последний обед вдвоем ей выпал почти полгода назад, после их возвращения с Мальты.

Наталья накинула плащ, схватила сумку и выскочила в приемную.

– Мы с Натальей Петровной пообедаем, потом я в налоговую, – бросил Стас секретарше, во взгляде которой Наталье почудился укор. Мол, как же не ее, такую красивую и сексапильную в сетчатых колготках, этот красавец мужчина ведет в ресторан? «Лак свой облезлый смой», – зло подумала Наталья и поспешила к выходу.

– Куда сегодня едем? – спросила она у Развольского, когда машина вырулила со стоянки.

– На квартиру, – бросил он.

– Как? – удивилась Наталья. – Ты ведь сказал – на обед.

– Сегодня твой обед – это я, – самодовольно ответил Развольский. – Ты что, не понимаешь, я с утра ни о чем больше думать не могу. Такое волнение в штанах, что сидеть больно.

Ты ведь не хочешь, чтобы мне было больно, а, Заяц? – и Развольский положил ее ладонь на вспученную спереди молнию.

Наталя даже вспотела от счастья, что воздействует на любимого так сильно. Но потерянного обеда ей все равно стало мимолетно жаль. Вскоре они уже парковались во дворе старого панельного дома, где Развольский снимал квартиру для любовных утех.

Они пользовались ею три-четыре раза в месяц, практически никогда не позволяя себе шалости на работе, где их могли застукать. Наталя знала, что Развольский приводит сюда и других женщин. Иногда в квартире пахло чужими духами, в прихожей валялись заколки для волос, а один раз Наталя даже обнаружила в ванной женскую прокладку.

Каждый раз она чувствовала себя так, будто ей на открытую рану вылили полстакана уксусной эссенции. Рана вспухала, вздувалась кровавыми пузырями, внутренне Наталя корчилась от нестерпимой боли, но внешне оставалась совершенно спокойной и невозмутимой. Обижаться, плакать, устраивать сцены ревности было категорически нельзя. Развольский не терпел даже малейшего посягательства на свою свободу, и Наталье приходилось насиловать себя, как монаху в веригах, чтобы соответствовать его запросам. Все, что угодно, лишь бы не бросил!

Она хорошо помнила, как где-то через год после начала их романа Стас, совершенно голый, прикурил первую послесексовую сигарету (так это у него называлось) и задумчиво сказал, глядя на лежащую на кровати Наталью:

– Ты все-таки удивительно комфортная женщина.

– Какая? – не поняла она.

– Комфортная. С тобой совершенно не нужно напрягаться. Подарил подарок – ты радуешься, как ребенок конфете. Не подарил – ты не обижаешься. Сцен не устраиваешь, губу не дуешь. Ты учти, Наташка, я в тебе это качество ценю больше всего. Мне с твоей стороны проблемы не нужны.

Наталя все поняла и хорошенько запомнила. Свою комфортность для Станислава Николаевича Развольского она пестовала и шлифовала все последующие годы. И преуспела в этом настолько, что своей жизни без обеспечиваемого ею комфорта, как в бизнесе, так и во всем остальном, он совершенно не представлял.

Войдя в маленькую тесную прихожую, Развольский захлопнул дверь, не дав Наталье снять плащ, рывком поставил ее на колени и расстегнул брюки. Доставлять Стасу удовольствие ей нравилось. В этот момент она, хоть ненадолго, чувствовала себя властелиншей, могущественной волшебницей, которая могла изменить мир, всего лишь чуть сильнее сжав зубы.

Потом они оказались в кровати, и минут через пятнадцать Развольский обессиленно откинулся на подушки и закурил:

– Слава богу, полегчало.

«И почему при взгляде на него у меня мозги плавятся? – в очередной раз думала Наталя, рассматривая его, опершись на локоть. – Красив, конечно, но ведь красивых мужиков много. Хотя о чем это я? Стасик особенный. Спасибо тебе, Господи, что ты мне подарил встречу с ним!»

Рассердившись на дурацкие мысли, которые опять полезли в голову, Наталя перевернулась на другой бок и, чтобы переключиться, сказала:

– Жалко все-таки эту деваху. Молодая еще.

– Какую деваху? – Развольский расслабленно пускал в потолок кольца сигаретного дыма.

– Да эту, которая из окна упала. Маркелову.

– Какую Маркелову? – Стас резко сел на постели и требовательно посмотрел Наталье в лицо.

– Которая с Муромцевым в Турцию летала. Ангелина Маркелова, 28 лет.

– Ты что, хочешь сказать, что это она сегодня утром выпала из окна?

– Ну да.

– Бред какой-то, – Развольский вскочил с кровати и, как был нагишом, взволнованно забежал по комнате.

– Стас, ты ее знал, что ли?

– С чего ты взяла? – Он быстро натянул трусы и взялся за брюки.

– Не знаю, ты с утра не проявил к этой истории совершенно никакого интереса, а сейчас волнуешься.

– С чего ты взяла, что я волнуюсь? – сев в кресло, шеф начал зашнуровывать ботинки. – Хотя, конечно, я волнуюсь. Не хватало нам еще влипнуть в какую-нибудь историю с Муромцевым. Сама знаешь, от него можно ждать любой гадости.

– Это точно, – Наталья вздохнула и тоже начала одеваться. Она хорошо знала своего обожаемого Стасика, поэтому могла дать на отсечение голову, равно как и любую другую часть своего тела: новость о том, что потерпевшей оказалась именно Ангелина Маркелова, ему не понравилась.

Еще через полчаса они притормозили у офиса, и Развольский деловито произнес:

– Конечная остановка, вылезай.

– Ты в налоговую? – спросила Наталья, помня, что он сказал секретарше.

– Нет, конечно, – Развольский от души расхохотался, открыв ровные белые породистые зубы. – Я обедать. Сама понимаешь, после таких упражнений аппетит волчий просыпается.

– А я как же? – удивилась Наталья.

– Заяц, ну не можем же мы оба исчезнуть больше чем на час. Так что сегодня ты сидишь на диете. Тебе, кстати, полезно.

Стоя на тротуаре, Наталья смотрела вслед удаляющемуся джипу и глотала привычные слезы.

Встреча с Муромцевым не задалась с самого начала. Это он понял уже минут через пять. Максимум через десять.

Еще вчера, докладывая ведущему дело следователю, своему другу Сашке Мехову о том, что погибшая Маркелова была дружна с Муромом (именно такую кличку в молодости носил ныне уважаемый депутат Законодательного собрания), Иван был полон счастливых иллюзий.

– Ты прикинь, – горячился он, бегая по тесному меховскому кабинету, – мы только-только Шаповалова «закрыли», а сейчас у нас этот кент на подходе! Еще парочка таких громких дел – и быть тебе, Сашка, городским прокурором. А я точно могу дырку на погонах вертеть.

«Дело Шаповалова», действительно громкое, они раскрыли около месяца назад. Известный бизнесмен, приятельствующий с губернатором, оказался замешанным в торговле наркотиками и проституции, а также в нескольких убийствах. Расследуя все это, Бунин познакомился с Алисой Стрельцовой, и эта встреча до сих пор напоминала о себе чем-то наподобие неприятной отрыжки. Уж больно занозистая оказалась баба.

Арест Шаповалова имел огромный резонанс, и Бунин с Меховым довольно долго не сходили со страниц газет. Как человек, спасший Алису Стрельцову (ни дна ей ни покрывки), Иван даже получил от начальника городского УВД полковника Травкина благодарность и именные часы. Уже с месяц он подозревал, что Травкин – тоже постоянный клиент брачного агентства Алисы Михайловны. С чего бы иначе такая прыть?

Возможность упечь за решетку Муромцева вводила Ивана в состояние сладкого восторга. Однако чурбан Мехов почему-то его эмоций не разделял.

– Да брось ты, Ванька, – сказал он, лениво наблюдая за бунинскими прыжками по кабинету. – Чтoб Муром и в тюрьме? Не с нашим счастьем.

– Почему? Я печенкой чую, что эту дамочку полетать отправил именно он!

– Ешь меньше жареного на ночь, печень шалить не будет, – серьезно отвечал Мехов. – Если бы он хотел от нее избавиться, утопил бы в турецком море на хрен. Не тот человек, чтобы ни с того ни с сего потерять самообладание из-за какой-то банковской курочки. У него таких – на каждом перекрестке. Если всех убивать, в городе естественная убыль населения приключится.

– Ты что, – Иван с подозрением посмотрел на друга, – его защищать намерен?

– Да чего его защищать? Ни при чем тут он.

– Так, может, мне с ним и не разговаривать?

– Не, разговаривать, конечно, надо. Но аккуратно. А то он, Ваня, тебя с дерьмом съест и костями не подавится. Ты вспомни, у него ж депутатская неприкосновенность.

– Да положил я на его неприкосновенность!

Сегодня, глядя на сидящего в большом кресле Муромцева, Иван чувствовал, что его уверенность слегка поуявля. Этот огромный лохматый человек с тяжелым взглядом был действительно не похож на того, кто сбрасывает надоевшую любовницу с восьмого этажа.

«Такие закатывают в бетон», – думал Иван, слушая спокойный рассказ об Ангелине Маркеловой и недавнем совместном отдыхе.

– Вы вместе летели в Турцию?

– Да. В аэропорту нас встретила машина, я заказал индивидуальный трансфер.

– Какое у потерпевшей было настроение?

– Какое может быть настроение у человека, который едет отдыхать в шикарный отель? – пожал плечами собеседник. – Хорошее у нее было настроение.

– Конечно-конечно, – Иван закивал головой. – Женщины всегда радуются, когда едут на море с любимым мужчиной.

– Не ерунди, капитан, – Муромцев поморщился от этой реплики, как от перебродившего вина. – Не было у нас никакой любви. Здоровый трах был. Ну и деньги я ей давал, конечно.

– То есть Ангелина Степановна вас не любила, и вы это знали?

– Конечно знал. Меня, капитан, вообще мало кто любит. Трудно меня любить. А вот проводить со мной время, помогать мне расслабиться за вполне достойное вознаграждение – это легко. Понимаешь? Хотя куда тебе. С тобой-то бабы исключительно по любви спят.

Иван не совсем понял, считать ему эту реплику комплиментом или все-таки оскорблением, но, посмотрев на Муромцева, уточнить почему-то не решился.

– А вы ее любили?

– Нет. Не любил, – бизнесмен вздохнул, показывая, насколько нелегко дается ему разговор с умственно отсталым. – Чего в ней любить-то было? Думаешь, у нее душа была широкая или умище необыкновенный? Девка как девка. Ноги длинные, сиськи большие, волосы до попы. Ну, и п...а, конечно. Товарно-денежные отношения у нас были, капитан. Товарно-денежные.

– Когда вы прилетели на родину, Маркелову в аэропорту кто-то встречал или вы сюда на вашей машине вернулись?

– А мы с ней в разное время вернулись.

– Почему? – искренне изумился Иван.

– Она в отпуске была, могла подольше солнечные ванны попринимать. А у меня, знаешь ли, капитан, бизнес. Он моего присутствия требует. Побаловался пару дней – и хватит.

– Но в турагентстве мне не сказали, что вы должны были вернуться раньше...

– Так и правильно, что не сказали. Им вообще не с руки языками лишнее молоть. Хотя они и не знали. Путевку я купил на весь срок, а потом мне позвонили, что накопились дела, которые без меня не разрулить, я и вернулся.

– А Ангелина Степановна не обиделась на вас, что вы ее одну бросаете?

– Она? На меня? Ее мнения по этому вопросу никто не спрашивал.

– А когда она вернулась домой, вы с ней не встречались?

– Не разводи ты меня, как лоха, капитан! – Муромцев снова досадливо поморщился. – Я даже не знаю, когда она вернулась. Если я не ошибаюсь, у нас еще на сегодня дня два остается оплачено. Так что чего ей на море не сиделось, на всем-то готовом, я не знаю.

– Когда вы улетели домой?

– Неделю назад.

– И неужели за это время вы ей даже ни разу не позвонили?

– Нет, не звонил. Зачем? Я здесь, она – там. А раз так, то о чем разговаривать.

«Ей-богу, странно, – думал Иван по дороге на работу. – Может, у меня и нет опыта общения с женщинами за деньги, но одно я знаю точно: любая баба, будь она хоть трижды содержанка, все равно рано или поздно предъявляет на мужика права. И если сегодня она едет с ним на шикарный курорт, завтра он ее там бросает одну, а еще через пару дней она возвращается домой тоже раньше положенного срока, да еще при этом они даже не созваниваются, то что-то тут нечисто».

Посмотрев на часы, показывающие половину пятого вечера, он снова поехал в турагентство – появились некоторые вопросы к Наталье Петровне Удальцовой.

Сегодня она была одета в другой деловой костюм, но выглядела так же элегантно и строго, как и вчера. Иван снова отметил ненавязчивую атмосферу дорого обставленного кабинета, вдохнул приятный запах духов и оценил макияж, наложенный на лицо исполнительного директора фирмы «VIP-тур». Такой легкий и незаметный, какой может быть нанесен только очень дорогой косметикой. «Ирине такую куплю, – разозлился он про себя. – Она у меня тоже заслуживает».

Удальцова указала ему на вчерашнее кресло, а сама расположилась в соседнем, налив себе стакан минеральной воды.

– Что вы еще хотите узнать? – спросила она, и Иван неожиданно для себя отметил, что у нее довольно приятный голос. Высокий и мелодичный, как колокольчик.

– Видите ли, Наталья Петровна, я сегодня встретился с господином Муромцевым...

– И? – Удальцова слегка встревоженно посмотрела на него, и Бунин понял, что она хочет узнать, не будет ли у ее агентства неприятностей.

– Он оценил, что вы не сказали мне ничего лишнего, – поспешил он успокоить собеседницу, которая ему почему-то нравилась, хоть и дружила с Алисой Стрельцовой. – Муромцев сказал, что вернулся домой неделю назад, а Ангелина Маркелова тоже прилетела раньше срока, потому что их путевка оплачена еще на два дня.

– Я ничего про это не знала, – удивилась Наталья. – Честно говоря, разницу в два дня я просто не заметила. А про то, что Сергей Васильевич уже давно в городе, он мне, сами понимаете, не докладывал.

– Понимаю. Но мне бы хотелось знать, почему они оба не использовали до конца тур, который стоил немалых денег. Насколько я понимаю, в таких случаях стоимость путевки не возвращается?

– Конечно, нет, – подтвердила Наталья. – Но Муромцев – деловой человек, так что он вполне мог прервать поездку. А девушке просто стало скучно одной в чужой стране.

– Наталья Петровна, вы сами-то в это верите? Девушка, которую привез на море богатый «папик», остается одна в роскошном отеле, где все уже давно оплачено. Что она будет делать? Одно из двух. Либо воспользуется случаем, чтобы отдохнуть от надоевших кавалеров, либо тут же начнет искать себе другого среди отдыхающих.

– Пожалуй, вы правы, – спокойно согласилась Удальцова.

– Поэтому мне бы и хотелось узнать, какой именно вариант выбрала покойная Ангелина Степановна. Сами понимаете, командировку в Кемер мне начальство вряд ли оплатит.

– Вы хотите слетать туда за наш счет? – Удальцова надменно изогнула бровь.

– Нет, – успокоил ее Иван. – Но одна просьба у меня к вам все-таки есть. Могли бы вы связаться с этим отелем, чтобы получить у них нужную информацию?

– Во-первых, я не могу этого сделать, потому что мы не работаем с отелями напрямую. А во-вторых, сами понимаете, я бы и не стала этого делать, поскольку эта история не сделала бы чести нашей репутации. А мы, поверьте, очень ее бережем.

– Конечно, – кивнул головой Иван.

– Но я знаю человека, который сможет вам помочь.

– И кто же это?

– В том же самом отеле «Титаник», где были Муромцев с Маркеловой, отдыхает Алиса Стрельцова. Насколько я знаю мою подругу, если между Муромцевым и Маркеловой что-то произошло, она это обязательно заметила. Алиса возвращается домой через два дня.

Увидев сложную гамму чувств, сменяющихся на лице Ивана, Удальцова весело расхохоталась.

Глава 4

Секреты стабильного брака

Все, что может испортиться – портится.

Все, что не может испортиться, портится тоже.

Закон Чисхолма

С самого утра у Натальи почему-то все валилось из рук. Может быть, виной тому был начавшийся ночью дождь. Сырость Наталья не любила. Дождь осенью всегда навевал на нее тоску. Она просто физически ощущала, как он смывает летние краски с улиц, а вместе с ними и воспоминания о прошедшем лете. Позади были белые ночи, посиделки в летних кафе, легкие платья и брючки. Впереди – тяжелые шубы и куртки, все удлиняющаяся, переходящая в бесконечность ночь, серое небо, навевающее депрессию, постоянная сонливость и усталость, по-научному называемая астеническим синдромом.

Пропрыгав через лужи в вестибюль родной конторы, Наталья обнаружила, что в воздухе не висит манящий запах «Живанши». Это означало, что Развольский еще не приехал, и ее захлестнула глухая волна разочарования, а потом и беспокойства. Не случилось ли чего?

Бросив сумку на стол и небрежно скинув на кожаное кресло мокрый плащ, она начала тыкать в кнопки мобильного. Страхивая с волос капли воды (зонтов она не признавала), Наталья с трепетом слушала гудки в трубке. Господи, хоть бы взял! А то ведь она с ума сойдет.

– Аллю, – услышала она в трубке сонный и недовольный голос и перевела дыхание.

– Стас, это я, Наташа. Ты скоро приедешь?

– А что, без меня у тебя работать уже не получается?

– Ты не предупредил, что опоздаешь, и я заволновалась.

– Мне кажется, я не обязан перед тобой отчитываться.

– Нет-нет, что ты, – испугалась она. – Можешь вообще не приезжать. Просто я хотела убедиться, что у тебя все хорошо.

– А почему у меня должно быть что-то плохо? – поинтересовался Развольский. – Я скоро буду.

Положив на стол телефон и вытерев о брюки мокрую ладонь (и вправду, чего это она так разволновалась, не в первый же раз), Наталья начала пристраивать плащ на вешалку. В этот момент в кабинет вплыла секретарша Анечка.

Сегодня на ней были тугие, обтягивающие ладную попку джинсы. Попка вызывающе торчала и выглядела достаточно аппетитно. Большинство мужчин при ее виде обязательно представили бы поверх джинсов свою ладонь, и, к сожалению, Развольский совершенно точно входил в это большинство. Наталья сердито вздохнула.

– Чего тебе?

– Наталья Петровна, можно мне вас спросить?

– Можно.

– Это не по работе, это очень личное.

– Ну, давай свое личное.

– Наталья Петровна, а Станислав Николаевич со своей женой как живет?

Сердце ухнуло в груди и на секунду остановилось. Жена Развольского была запретной территорией. Наталья не разрешала своим мыслям даже приближаться к ней, считая каждую прорвавшуюся сквозь ограждения мыслишку вражеским лазутчиком, подлежащим немедленному уничтожению. Этот лазутчик был смертоносным оружием, психической бомбой, которая грозила в клочья разнести несчастную Натальину голову.

– В каком смысле?

– Ну, Станислав Николаевич свою жену любит?

– И почему ты спрашиваешь об этом меня? Если уж тебе так интересно, хотя мне и непонятно, на чем основан такой интерес, то ты можешь спросить об этом самого Станислава Николаевича. Он скоро придет.

– Ну, Наташечка Петровна, – старательно заняла Аня, – ну мне очень-очень надо об этом знать. Вы же с ним друзья, давно вместе работаете, в гости, наверное, к нему ходите. Поэтому я вас и спрашиваю.

При мысли о нечастых походах в дом Развольского и встречах с его женой Ириной Наталью передернуло.

– Понимаете, Наталья Петровна, я вам честно скажу, я в Станислава Николаевича прямо влюбилась. И мне кажется, – Анечка интимно понизила голос, – что я ему тоже нравлюсь. Вот я и хочу узнать, как у него с женой. У них разводом не пахнет?

– Нет, Аня. Хочу тебя разочаровать. Станислав Николаич живет с Ириной Леонидовной душа в душу и разводиться не собирается.

– Так он ей что, не изменяет даже? – Глаза секретарши округлились и стали похожи на миски для воды, которые Наталья недавно купила для пса Сени.

«Господи, какая дура!» – мысленно произнесла она, но вслух сказала:

– Аня, сама понимаешь, что о своих любовных победах Станислав Николаевич мне вряд ли рассказывает. Мужчина он видный, так что в его жизни может быть всякое. Но не думаю, что ты всерьез рассчитываешь, что я сейчас начну сплетничать о своем начальнике.

– Ну, Наталья Петровна, – голос Анечки зазвучал разочарованно, – вы прямо как не женщина...

– Интересно, что ты имеешь в виду?

– Ой, я не хотела вас обидеть. Просто вы такая строгая. Планерки проводите. Деловые костюмы носите. С подчиненными серьезно разговариваете. Да еще и сплетничать не любите. Какая же вы женщина? Вы мужчина...

– Иди работать, а, Ань, – жалобно попросила Наталья.

Она не знала, плакать ей или смеяться. Намерения секретарши были яснее ясного. Она непременно собиралась окрутить Развольского. Конечно, о разводе с женой нечего было и мечтать (откуда дурочке Анечке было знать, что «неженщина» Наталья сама мечтает об этом страстно и истово уже пять лет!), но краткосрочный романчик шефа и секретарши поджидал Наталью в самое ближайшее время. К нему нужно было подготовиться, чтобы кровь из вновь открывшейся раны хотя бы не хлестала ручьем.

Станислав Развольский был женат прочно и надолго. И тот факт, что в основе его стабильного брака лежали вовсе не чувства, ничего не менял. Историю своей женитьбы Стас рассказал Наталье в первый год их романа.

На Ирине он женился студентом первого курса, когда она сама заканчивала пятый. Приехавший из отдаленного района области высоченный красавец с шоколадными глазами понравился Ирине с первого взгляда. После обстоятельного раздумья он решил, что она ему тоже подходит. Ирина была из генеральской семьи. Ее отец руководил базировавшейся в городе строительной бригадой. У него были неограниченная власть, авторитет, доступ к строительным материалам и бескрайняя любовь к единственной дочери.

Когда началась перестройка, папаша весьма своевременно оставил военную службу и одним из первых открыл совместное российско-немецкое предприятие. СП процветало, и к концу института Развольский имел отдельную трехкомнатную квартиру и неплохую ежемесячную дотацию в семейный бюджет.

Теща его обожала, а отношения с тестем были определены раз и навсегда в самую первую встречу, когда Ирина привела суженого знакомиться с родителями.

– Я понимаю, конечно, что моя Ирка в тебе нашла, – сказал генерал, когда после ужина они уединились в кабинете с пузатыми коньячными бокалами в руках. Ты, Слава (тесть и до сих пор предпочитал называть Развольского именно так), – жеребец с большими яйцами. За это тебя бабы и любят. Они ведь дуры. Даже самые умные из них.

В общем, раз Ирка тебя хочет, так вы женитесь на здоровье. Но доча у меня одна, я ее люблю больше жизни и в обиду тебе не дам. Гулять захочешь, гуляй на здоровье, но, во-первых, так, чтобы она не знала. А во-вторых, чтоб трахал ты ее до звона в ушах. И сейчас, и через год, и через десять. Мне важно, чтобы моей девочке было хорошо.

Развольский поставленную задачу понял и по мере сил выполнял. По окончании института он получил от тестя кругленькую сумму на становление собственного бизнеса и, подумав, открыл туристическое агентство, которое процветало по сей день и обеспечивало Развольским безбедное существование. Ирина за всю свою жизнь не работала ни дня. Как ушла в декрет с сыном Костей, так и не выходила из него, благо денег в семье хватало.

Сейчас Косте было уже двадцать. Он жил отдельно от родителей в подаренной дедом квартире. А Развольский по-прежнему изображал нежного, любящего супруга. Другого пути у него не было. Фирма официально принадлежала предусмотрительному тестю. Но обо всем этом секретарше Анечке было знать совсем необязательно.

Чтобы отвлечься от неприятного разговора, Наталья вызвала к себе маркетолога Володю. Уже несколько дней она хотела посмотреть варианты рекламного буклета, но до этого никак не доходили руки.

Парень пришел по первому зову. Пока он раскладывал на столе принесенные образцы, Наталья из-под приопущенных ресниц его разглядывала. «Тоже смерть девкам, – думала она. – Высокий, ладный, красивый, молодой. Ему лет тридцать, наверное. Девчонки говорят, разведенный. Интересно, у него есть с кем-то из наших роман или нет? Наверное, есть. Наши такой экземпляр не пропустят. И кто бы это мог быть? Скорее всего, Верочка. Она в последнее время как на крыльях летает. Сразу видно, влюбилась».

– Наталья Петровна, у меня все готово, – голос Володи спустил ее с небес на землю, и Наталья внутренне усмехнулась. Нет, не права Анечка, все-таки она, Наталья, настоящая женщина. И думать про чужие романы ей очень даже интересно. Если, конечно, речь не идет о Развольском.

За обсуждением рекламы пролетел час. Как всегда, Володя все сделал толково. Наталья одобрительно кивала практически на каждое его предложение. Нет, не зря ей нравится этот парень. Надо сказать Стасу, чтобы повысил ему зарплату. А то переманят в другое место. Этого допустить никак нельзя.

Освободившись, Наталья с удовольствием отметила, что Развольский уже на работе. Однако, влетев к нему в кабинет, обнаружила там гостью. Алла Перфильева была давней знакомой Станислава. Когда-то у них был роман, но потом увял, что не мешало Аллочке по старой памяти пользоваться услугами их агентства. Вот и сейчас она вернулась из поездки в Таиланд и пришла похвастаться фотографиями и раздать сувениры.

Естественно, Наталье Алла не нравилась. Впрочем, это чувство было взаимным, так что, сухо поздоровавшись и спросив у Развольского, не объявлялись ли шведы, Наталья поспешила ретироваться к себе.

Молчание шведских партнеров ее действительно начинало напрягать. Почти полгода Наталья убила на то, чтобы компания «VIP-тур» стала эксклюзивным представителем компании Scandik.

Седьмая в Европе по величине гостиничная сеть, в свое время выкупленная британской корпорацией Hilton Group Plc, планировала развернуть в России строительство отелей. Возможность представлять ее интересы сулила компании Развольского небывалые дивиденды. Именно Наталья в свое время нашла информацию о приходе Scandik на российский рынок.

Именно она разработала весьма заманчивое для шведов предложение. Именно она ездила на первую встречу в Стокгольм.

Возможное сотрудничество со Scandik было ее мечтой, ее детищем, а мысль, что в результате этого сотрудничества в их городе появится новый отель, к которому она, Наталья, будет иметь самое непосредственное отношение, приводила ее в сладкий восторг.

Все, что было связано с отелями, Наталья обожала. В двенадцать лет, прочитав роман Артура Хейли, она заболела всем, что связано с гостиничным хозяйством. После восьмого класса даже провела лето, подрабатывая уборщицей в самой крупной гостинице города, и тогда же поняла, насколько разительно она отличается от того отеля, который описал Хейли и в котором ей самой так хотелось очутиться.

Именно ради возможности хоть немного присоединиться к отельному бизнесу она после школы поступила на факультет туризма местного университета. Учиться было скучно, потому что она давно знала основы любимого предмета гораздо лучше преподавателей, пришедших на факультет совершенно случайно и не испытывавших никакого трепета перед волшебным словом «отель».

После института, замужества и рождения Ромки мечта слегка потускнела. В турфирме у Развольского Наталье платили гораздо больше, чем в любой из существующих в городе гостиниц. Ленчик, читавший лекции в институте и писавший кандидатскую диссертацию, зарабатывал сущие копейки. Ромка хотел радиоуправляемую машину и виноград в апреле. На нем горели колготки, рубашечки и шортики, и Наталья, тяжело вздохнув, оставила мечту на потом.

Но почти сразу она заболела Развольским, и эта болезнь оказалась гораздо сильнее отельной горячки. Украдкой рассматривала она на работе привезенные возлюбленным из зарубежных командировок каталоги отелей. Отдыхая в Турции, всегда рассчитывала бизнес-план строительства отеля на пустынном берегу, а поселившись в любой гостинице, всегда составляла подробный список достоинств и недостатков заведения.

Мечта управлять отелем не тускнела с годами. Она просто отодвигалась на задний план под натиском жизненных обстоятельств. Иногда, лежа без сна, Наталья думала, как бы ей хотелось изменить свою жизнь. В подобных случаях ей всегда грезилась семейная жизнь с Развольским, рождение от него девочки Алисы и строительство своего собственного пятизвездочного (ну ладно, пусть четырехзвездочного) отеля.

Сотрудничество со шведами делало эту мечту реальной, хотя бы в одной ее части. Но после первых переговоров, где Наталья подробно описала свое видение общего проекта, шведы больше не объявлялись. Каждый день она по несколько раз проверяла электронную почту, но писем не было.

Навязываться не хотелось, ведь при расставании ей было ясно сказано: «Мы сами свяжемся с вами». С тех пор прошло уже три недели.

Снова проверив электронку, Наталья обнаружила в ней новые горящие туры на Кипр. Распечатав предложение, отправилась к девочкам-менеджерам, с неудовольствием и облегчением обнаружив в их кабинете Аллу. С неудовольствием, потому что эта взбалмошная особа шаталась из кабинета в кабинет, отрывая всех от работы. С облегчением, потому что она больше не мозолила глаза Развольскому.

Искоса разглядывая бывшую соперницу, Наталья отметила, что, несмотря на отпуск, выглядит Алла не лучшим образом. Через загар пробивалась какая-то нездоровая бледность. «Устала от перелета, наверное», – решила Наталья, выкидывая мысль о Перфильевой из головы. В конце концов, та ее совершенно не интересовала.

Обсудив с девочками, кому из клиентов может пригодиться кипрское предложение, Наталья снова заглянула к Развольскому. Он был мрачен.

– Что с тобой, солнышко мое? – озабоченно спросила она.

– Голова болит, – буркнул Стас.

– Давай я тебе затылок помассирую, легче станет, – предложила Наталья, чувствуя, как у нее сжимается сердце. Боль Развольского она переносила гораздо хуже, чем свою собственную.

– А, брось, – любимый вяло махнул рукой. – Алка все настроение испортила.

– Чем? – искренне изумилась Наталья. С ее точки зрения, такое никчемное существо, как Алла, не могло нанести никому никакого урона.

– Представь, сука какая! Посмела потребовать у меня назад деньги за ее поездку!

– Почему?

– Видите ли, тайский массаж ей делал не мужчина.

– Глупость какая! Ты-то тут при чем?

– А при том, что эта дрянь вздумала меня шантажировать! Я, говорит, знаю, что у тебя есть любовница. Так что либо ты возвращаешь мне мои деньги, либо я рассказываю Ирине, что ты ей изменяешь.

– И кого она имеет в виду? – встревожилась Наталья.

– Откуда я знаю. Эта дрянь вполне могла выследить нас с тобой у квартиры. Она ведь живет недалеко от того района.

– И что теперь делать? Может, отдать деньги? Полторы тысячи долларов – не слишком большая цена за спокойствие.

– Ага, – Станислав в раздражении оттолкнул от себя Натальину руку, массиравшую его затылок. – Не пори ерунды. Разве можно платить шантажисту? Слава богу, я не такой идиот. Я смог заставить ее замолчать другим способом.

– Ты такой умный, Стас! – Наталья улыбнулась и преданно поцеловала Развольского в плечо. – И как ты это сделал?

Он не успел ответить, потому что из коридора раздался нечеловеческий визг, переходящий в вой. Затопали ноги. Послышался второй женский визг, потом третий. Захлопали двери.

Переглянувшись, Наталья и Развольский выскочили из кабинета и метнулись в сторону туалета, перед распахнутыми дверями которого скопилась толпа сотрудников.

– Что случилось? – спросила Наталья, и сотрудники расступились, давая ей дорогу. На кафельном полу туалета, раскинув руки, лежала Алла Перфильева. Из рта у нее струйкой текла кровь.

– «Скорую» вызвали? – деловито спросила Наталья.

– Володя к телефону побежал, – стуча зубами, ответила менеджер Юлечка, самая молодая сотрудница агентства.

– Боже мой! – пропищала стоявшая неподалеку Верочка. Прижав руки ко рту, она полными ужаса глазами смотрела куда-то за спину Наталье.

Обернувшись за ее взглядом, Наталья увидела, как в коридоре Развольский тихо сползает вниз по стене.

– Стас! – закричала она, бросаясь к человеку, которого любила больше жизни. – Стас! Да помогите же кто-нибудь! Вы же видите, Станиславу Николаевичу плохо!

– Что тут у вас за шум? – услышала она густой мужской голос, от которого немедленно хотелось спрятаться в близлежащем окопе.

На пороге стоял Сергей Васильевич Муромцев собственной персоной.

Все-таки смерть выглядит на удивление неэстетично. Что там говорили древние римляне о могуществе и величии Танатоса? Ерунда все это. Неправда, блеф, вымысел.

Смерть не просто некрасива. Она омерзительна. Подумать только, еще пять минут назад эта коза двигалась, дышала, обдумывала своим скудненьким умишком какие-то глупые, никому не нужные и не интересные дела, строила планы, мечтала о деньгах, болтала о Таиланде, строила глазки (была бы еще кому нужна, кошка драная)...

Еще пять минут назад она была уверена в том, что неотразима и полна значимости. И вот лежит на холодном, затоптанном мокрыми ботинками, заляпанном кровью полу. И где? В туалете. Что это, если не насмешка богов?

Признаться, когда я увидел ее, раскинувшую ноги, в нелепой позе, прижавшую руки к животу, с разинутым в немом крике ртом, перекошенным от боли лицом и разметающимися прелой паклей волосами, еще пять минут назад представлявшими собой произведение парикмахерского искусства, меня на мгновение замутило. Но только на мгновение. В конце концов, я мужчина.

Вокруг бегали, суетились, квохтали и визжали другие козы. Такие же нелепые, как эта. Пожалуй, достойное исключение составила только одна. Но я давно уже выделил ее из этого глупого стада. Вот кто никогда не теряет голову! Она умна, холодна, немного цинична, способна на мгновенное принятие решения. Нестандартная женщина. Мне нравится слушать ее голос. У меня слегка кружится голова от запаха ее духов. Меня возбуждает, что я подошел к ней так близко.

Все-таки до чего же обидно! Я так долго мечтала об этой поездке. Но оказалось, что она мне совсем не в радость.

Мне снилось море. Я не видела его с детства. Когда мы последний раз отдыхали на море, мне было лет двенадцать. Ну да, конечно, двенадцать. Это было, когда Лена перешла в десятый класс. Родители специально накопили денег на эту поездку. Знали, что через год ей поступать.

Мы отдыхали в Одессе. Снимали большую трехкомнатную квартиру в центре города. Утром – поездка на катере на пляж. Либо на Ланжерон, либо в Аркадию.

На обед прямо на пляже покупался шашлык. Мама все бурчала, что мы испортим себе желудок, но это было удивительно вкусно! Вечером мы всей семьей шли гулять по городу. Дерибасовская, Пушкинская, Потемкинская лестница, памятник дюку Ришелье, большие белоснежные красавцы корабли в морском порту... А Привоз! Я до сих пор помню, как испугалась там кролика, которого продавала толстая неопрятная женщина с черными усами. Почти как у папы. У кролика на задних лапах висела шерсть, и я спросила, зачем. «Или я могу вам по-другому доказать, что этот кролик никогда не мявкал?» – ответила торговка.

Средиземное море совсем не похоже на Черное. Не такое родное, не такое приветливое. Оно даже пахнет иначе. И еще здесь, в Турции, совсем нет медуз. А я вспоминаю, как мы с Леной ловили их в море, стараясь отличить, какая жжется, какая нет. Папа тогда прочитал нам целую лекцию. С тех пор прошло четырнадцать лет, а я до сих пор ее помню. Хотя сегодня нет ни Лены, ни папы. И мамы, по большому счету, тоже нет.

Это было последнее лето, когда наша семья была счастлива и беззаботна. На следующее лето Лена уехала в Москву сдавать экзамены. А спустя еще год мы ее похоронили. Папа умер от обширного инфаркта через месяц. Не смог пережить, что его старшая дочь, красавица, умница и отличница, наложила на себя руки.

Когда я начала понимать, что у мамы не все в порядке с головой? Наверное, года через три. Я тогда сама только-только закончила школу. Ни о каком институте даже речь не шла. Я только и делала, что ходила с мамой по врачам. Она все чаще лежала в больнице, а промежутки между курсами лечения становились короче и короче.

Я собиралась в эту поездку очень долго. Мне было нелегко собрать деньги даже на самый скромный трехзвездочный отельчик. Еще повезло, что лучшая подружка Вера работает в туристическом агентстве, она поймала для меня горящую путевку, поэтому удалось здорово сэкономить.

Мама опять в больнице, так что я вполне заслужила семь дней отдыха. Семь дней безмятежности, когда не надо просыпаться от криков по ночам. Не надо делать уколы и вызывать «Скорую». Семь дней наедине с морем – я думала, я надеялась, что это будет здорово.

Но я ошибалась. Что не дает мне покоя? То, что море совсем другое? То, что нет рядом Лены и мамы с папой? Что мне никогда не вернуться в то счастливое лето?

Я уже четвертый день думаю об этом, и мне кажется, что виной всему встреча с тем человеком. Меня мучает, что я никак не могу вспомнить его имя. Сева? Или Савва? Или все-таки Слава? Ну почему я не в состоянии окончательно удостовериться, он ли это! Если бы я была дома, то могла бы действовать. А тут я привязана к этому ненавистному, выложенному крупными острыми камнями пляжу, слишком острой еде, жирным сладостям и сальным взглядам продавцов из окрестных магазинчиков.

Наверное, я бы наслаждалась всем этим, впервые за четырнадцать лет увидев море, если бы не жгучее желание понять, нашла я этого подлеца или нет. Я вернусь домой через четыре дня, и все сразу встанет на свои места. Если это действительно он, я отомщу ему за Ленину гибель, за папину смерть, за мамино безумие, а потом снова поеду на море. Пусть мне придется работать день и ночь, чтобы накопить денег на новую поездку. Но я поеду на море! И оно покажется мне родным и ласковым.

Подъехав к дому и заглушив мотор, она вдруг поняла, что так устала, что не может выйти из машины.

На улице по-прежнему лил дождь, и необходимость вновь скакать через лужи к двери подъезда, пусть находящейся недалеко, но от свинцовой усталости казавшейся недостижимой, навевала тоску, от которой хотелось выть.

Глядя на эту дверь сквозь лобовое стекло, становящееся все более мутным от бьющих по нему капель, Наталья вспоминала прошедший день. Безысходный от произошедшей смерти, но, тем не менее, обыденный, а от этого еще более страшный.

– И что тут у вас случилось? – голос Муромцева звучал у нее в ушах. И ответ Верочки:

– У нас клиентка умерла.

– Хм, – Муромцев бесцеремонно растолкал собравшихся, опустился на колени, не обращая внимания на то, что его четырехсотдолларовые брюки касаются замызганного влажными ботинками пола, приподнял голову Аллы Перфильевой и небрежно отметил: – И вправду умерла. Прямо эпидемия у вас тут, граждане!

– Как-к-кая эпидемия? – тонкий голос Верочки, казалось, стал еще выше. – Вы что, хотите сказать, что Станислав Николаевич тоже умер?

– Дура ты, Вера! – звонко сказала Наталья, непроизвольно прижав к себе голову Стаса. – Ну что ты болтаешь?

– Я хочу сказать, что сначала одна из ваших клиенток в окно сиганула, теперь вторая копыта откинула. Кстати, на отравление похоже. И чегой-то у вас клиенты мрут как мухи? Не дай бог, слух по городу пойдет, – Муромцев хитро прищурился, – так недолго вообще без клиентов остаться. Слышишь, Развольский? Ты давай вставай, чего раскис хуже бабы.

Станислав действительно открыл глаза и, держась одной рукой за стену, а второй – за Наталью, начал подниматься с пола, не обращая, впрочем, никакого внимания на Муромцева.

– Вы к нам по делу, Сергей Васильевич? – раздраженно спросила Наталья.

– Билеты через вас хотел заказать. В Чили уезжаю, в командировку.

– Вы пройдите ко мне в кабинет, я сейчас к вам приду. – Подставив плечо Развольскому, Наталья начала медленно двигаться в сторону приемной. – Володя, будьте так добры, встретьте «Скорую» и попросите врача зайти к Станиславу Николаевичу, – распорядилась она. – А все остальные – идите уже по рабочим местам. Это ведь не представление, в конце концов!

Ей понадобилось два часа на то, чтобы отделаться от Муромцева, переговорить с врачом «Скорой», дожидаться приезда «труповозки», позвонить капитану Бунину, утешить бьющуюся в истерике Верочку и металлическим голосом приказать сотрудникам не болтать о случившемся.

Все эти два часа ее терзала тревога за Развольского, который после сделанного ему укола отлеживался в кабинете. Несколько раз Наталья, отрываясь от дел, заглядывала туда и с облегчением отмечала, что Стас спит.

Закончив все дела, она снова прошла к нему. Развольский немного отливало зеленю, но в целом был бодр и свеж.

– Ты куда подевалась? – сердито спросил он Наталью. – Бросила меня тут одного. А если бы у меня сердечный приступ начался?

– Солнышко, я все время тебя проводывала, – начала оправдываться Наталья. – Ты спал. Да и Анютку я попросила за тобой приглядывать.

– Эта дура приглядит! У нее же мозгов нет совсем!

– Как ты себя чувствуешь?

– Сама-то как думаешь? – Станислав болезненно поморщился и вздохнул. – Такие испытания не для моих нервов.

– Да уж. Моим нервам от этого происшествия тоже никакой пользы, – заметила Наталья, но Развольский негодуя махнул рукой:

– Нашла с чем сравнивать! Вы, женщины, более приспособлены к неприятностям. В вас это природой заложено, биологически. Поплакали, попричитали, в обморок грохнулись – и все. А мы всё в себе переживаем. От этого и умираем рано. – Шеф спустил с дивана ноги, из-под задравшихся штанин мелькнули волосатые икры.

На минуту Наталье стало обидно. Она взяла на себя устранение всех последствий трагической смерти Аллы, включая разговор с приехавшим на место происшествия нарядом с капитаном Буниным во главе. Она своими руками замыла кровь в туалете, поскольку уборщица заявила, что не будет этого делать даже под угрозой увольнения. И при этом в обморок не падала в отличие от самого Развольского...

Но говорить всего этого она, конечно, не собиралась. Обида быстро прошла, уступив место привычной нежности.

«Стасик такой слабенький, – думала Наталья, умильно и преданно глядя на шефа. – Надо бы ему пару дней дома полежать. А то, не дай бог, давление скакать начнет. Ему и вправду вредны такие нервные перегрузки».

– Чего Муромцев приходил? – спросил Стас, садясь в кресло. – Анечка, душа моя, кофе мне принеси, – заорал он в открытую дверь в приемную.

– Не надо бы тебе сейчас кофе, Стас, – осторожно заметила Наталья. – Давай я тебе чаю заварю.

– Можно я сам решу, что мне пить, – голос Развольского опять стал сухим от раздражения. – Ответь мне лучше на вопрос, который я тебе задал.

– Конечно-конечно. Муромцев в Чили едет, я ему билеты забронировала.

– Живет же, сволочь! Из-за границ не вылезает, – Развольский благодарно улыбнулся подошедшей секретарше, левой рукой принял у нее чашку с кофе, а правой смачно шлепнул ее пониже спины. Наталья болезненно поморщилась. – Слышь, Заяц, а как ты думаешь, от чего Алка лапы склеила?

– Откуда ж я знаю? – удивилась Наталья. – Врач сказал, что похоже на внутреннее кровотечение. А Муромцев вообще заявил, что ее отравили.

– Кто отравил? Кому она нужна? – Развольский громко захохотал. – Хотя, может, она не только меня шантажировать взялась. Может, и впрямь отравили. Ты, кстати, про шантаж ничего органам не говорила?

– Ты что, Стас, я же понимаю, что это к ее смерти никакого отношения не имеет. Тебе бы только нервы мотали.

– Вот и чудненько. Я тебе сегодня говорил, что ты – самая умная баба, которую я встречал в своей жизни?

Наталья счастливо улыбнулась.

Но сейчас, сидя в машине, она чувствовала, как весь пережитый за сегодня ужас стремительно накрывает ее с головой. Перед глазами вставали неестественно раскинутые ноги Аллы, струйка крови в углу рта, бледнеющий Стас, дьявольская усмешка Муромцева...

Отчаянно заболел висок. Руки стали влажными, а ноги чужими, тяжелыми и непослушными.

«Надо как-то до квартиры добраться», – подумала Наталья и вдруг услышала стук. Соседская бабка Марья Ивановна клюкой колотила по бамперу ее «Фольксвагена». Схватив сумку, Наталья рванула дверь и выскочила под дождь, спасать машину.

– Что вы делаете? – в отчаянье спросила она, чувствуя, как за шиворот начинает литься вода.

– Сколько говорить вам, сволочам, не ставьте машину рядом с клумбой! Весь обзор мне загораживаете, буржуи недорезанные! Думаешь, потаскуха, мне на твой драндулет сраный смотреть приятно? Я на цветочки любоваться хочу. Говоришь-говоришь, а тебе, лахудра, все едино. Вся семья твоя уродская. Я на вас управу найду. Выродка твоего в интернат отдать надо. Все равно толку от него не будет. Преступник малолетний растет. И мужик твой – убийца. Как есть убийца. Ногами меня пинал. А за что? За правду! Ее никто не любит, правду-то. Куда бежишь, стервь? Я еще с тобой не договорила. У, курва, всю породу вашу извести надо!

Наталья, не разбирая дороги, мчалась к подъезду, спиной чувствуя обжигающую бабкину ненависть. Тонкие лодочки из бежевой замши, купленные во время поездки с Развольским на Мальту, напрочь промокли. Сумка колотила по ногам.

Нажав кнопку домофона, Наталья очутилась в подъезде. Оглянувшись, убедилась, что дверь закрылась, оставив бесноватую бабку снаружи, и тут же почувствовала противное чмокание под ногами. Круглый носик из бежевой замши погрузился в еще горячую кучку кошачьего дерьма. Из-под батареи на Наталью торжествующе смотрела кошка Матрена. И тут Наталья наконец-то сделала то, о чем мечтала с самого утра: заревела в голос.

Недавно я попыталась сформулировать, чем кошки отличаются от собак. Ну, кроме биологического вида, конечно. Для себя ответ на этот вопрос я выразила так: собаки любят, а кошки позволяют любить себя. Для собак первичен хозяин. Они за него жизнь отдадут, если что. А для кошек важно собственное удобство и собственный душевный комфорт. Хочется им, чтобы их погладили, – они ластятся к вам невзирая на ваши планы и настроение. Не хочется – на, получиай когтями по не вовремя протянутой руке.

Люди тоже делятся на собак и кошек. То есть одни целуют, а другие подставляют щеку. И заводят они себе домашних питомцев в соответствии с общностью интересов – люди-собаки – собак, люди-кошки – кошек. Не могут же ужиться кошка с собакой!

Так что, выбирая себе спутника жизни, хоть краем глаза посмотрите на его домашнее животное. Если в доме собака, то вас ждет надежный, верный друг, каждый день радостно встречающий вас с работы с разъезжающимися от счастья лапами и готовый перегрызть глотку любому, кто посмеет посягнуть на вашу безопасность. Ну, а если кошка – вас ждет жизнь с нежным, трепетным, бесконечно избалованным и капризным существом, которое будет в минуты хорошего настроения позволять чесать себя за ушком и выпускать когти при малейшем недовольстве.

Правда, ради справедливости надо признать, что люди не зря делятся на собачников и кошатников. Одним надо, чтобы их любили. Другие готовы сами любить и безропотно переносить капризы любимого существа. Так что в итоге каждый выбирает по себе.

Глава 5

Тараканьи бега

Все в наших руках, поэтому их нельзя опускать.
Коко Шанель

Если бы Алисе кто-нибудь сказал, что ее первое утро после возвращения из сказочного отпуска начнется со звонка Таракана, то есть, тьфу, капитана Бунина, она бы в жизни в это не поверила. Открывая крышечку телефона, привычно отчитала себя за то, что никак не может отучиться называть Ивана придуманной ею же дурацкой кличкой. Некрасиво, особенно после всего, что он для нее сделал.

Когда раздался телефонный звонок, Алиса еще нежилась в постели, хотя на часах уже был полдень. Она приехала из аэропорта только в пять утра. Игорь закинул их с Сережкой домой, а сам отправился к себе. Побросав чемоданы, Алиса рухнула в кровать, надеясь как следует выспаться. Неудивительно, что звонку Тара... Ивана она была совсем не рада.

– Алиса Михайловна, – официально начал он, и Стрельцова сразу встревожилась, – мне необходимо с вами встретиться.

– Что-то с Ириной? – Ее лучшая сотрудница встречалась с этим человеком и в свободное от работы время убеждала Алису, что он просто замечательный.

– Нет-нет, с Ириной все в порядке. Вы мне нужны по рабочему вопросу.

Алиса решила, что капитан хочет уточнить у нее что-то из недавней истории с убийством ее жениха Петровича и арестом убийцы Евгения Шаповалова. Против этого она возразить не могла. Да и не хотела, если честно.

– Приезжайте ко мне, – предложила она. – Мы с сыном только вернулись из Турции. Я не очень отошла от бессонной ночи, но на ваши вопросы ответить смогу.

– Буду через пятнадцать минут, – ответил Иван, и она быстренько побежала в душ приводить себя в божеский вид.

К ее огромному удивлению, Ивана Бунина интересовала вовсе не недавняя детективная история, а ее поездка в отпуск. Алиса с огромным интересом выслушала непонятную историю с гибелью Ангелочка и от души ей посочувствовала. При всей своей капризности Ангелочек была неплохой девушкой и такой страшной смерти совсем не заслужила.

Про то, как протекал ее отпуск с Муромцевым, Алиса рассказала Бунину все, без утайки. Услышав, что парочка поссорилась, да еще настолько серьезно, что бизнесмен бросил свою спутницу одну, Иван насторожился.

– Алиса, вы уверены, что дело обстояло именно так?

– Ну, я ведь не сумасшедшая и не писатель-фантаст, – с обидой ответила Стрельцова.

– От вас многого можно ожидать, – туманно заметил ее собеседник, но Алиса предпочла не обижаться.

– Вань, я понимаю, что мой имидж в ваших глазах необратимо испорчен. Я ведь признаю, что вела себя в недавней истории как последняя дура. Однако если в чем в этой жизни я и разбираюсь очень хорошо, так это в человеческих отношениях. Муромцев и Ангелочек приехали вместе и несколько дней выглядели как обычные отдыхающие. Затем я слышала, как они ссорились, она плакала. А потом он пропал. Несколько дней Ангелочек ходила как в воду опущенная, а потом тоже поехала домой.

– Но Муромцев сказал мне, что уехал по делам и никакой ссоры между ними не было...

– Может, он и уехал по делам, с этим я спорить не могу, потому что не в курсе. Но то, что они жестоко поссорились и она из-за этого сильно расстроилась, это факт. Иначе я – не Алиса Стрельцова.

– Н-да, – крикнул Иван. – Эта информация совсем меняет дело. Спасибо вам, Алиса Михайловна.

– Всегда рада помочь следствию, – бодро отозвалась Алиса, но Бунин предостерегающе на нее посмотрел:

– А вот это лишнее!

Когда капитан уехал, Алиса растолкала Сережку, и они отправились к маме. Показать себя и фотографии, вручить сувениры, рассказать, что в Турцию приехал Игорь, и теперь Алиса Стрельцова – самая счастливая женщина на свете.

Кстати, объект ее счастья (или субъект, Алиса все время путала эти понятия) за это время позвонил раза четыре. Сегодня вечером он был занят, поэтому Алиса, немного подумав, решила собрать у себя девичник. В конце концов, любимых подруг она не видела целых две недели. За это время в ее жизни произошло много интересного, и она подозревала, что в их жизни тоже.

Первой приехала Лелька, и Алиса с горечью обнаружила, что подруга выглядит подавленной. Даже ее брызжащая в глаза яркая красота как-то потускнела. Одежда болталась на похудевшей Лельке мешком.

Причина ее подавленности была более чем уважительной. Пережив три развода и кучу романов, Лелька была уверена, что в лице мерзавца Шаповалова наконец-то нашла себе спутника жизни. Надежного, богатого, влюбленного. Каково ей было узнать, что он встречался с ней ради отвода глаз, Алиса прекрасно понимала, так как ей самой пришлось пройти через то же самое. Но в ее истории был счастливый финал в лице Игоря, а в истории Лельки никакого счастливого финала не наблюдалось.

Более того, несостоявшийся избранник Алисы оказался благородной жертвой, а Лелькин – кровавым убийцей. Впрочем, успев немного поболтать с подругой до прихода всех остальных, Алиса с облегчением поняла, что Лелька полностью оправдывает свою фамилию Молодцова, то есть держится молодцом. Из неприятной ситуации, в которой она очутилась, Лелька вытаскивала себя самостоятельно. За волосы. Без посторонней помощи.

Когда все пять подружек уже сидели за столом, Алиса поведала им историю появления в турецком отеле Игоря. Подруги охали и завистливо вздыхали.

– А у вас что нового? – поинтересовалась она, вовремя вспомнив, что нельзя быть такой самовлюбленной эгоисткой.

– А у нас все зашибись, – отреагировала Наташка. – Вот у меня, к примеру, два трупа.

Инка, как настоящий криминальный репортер, аж подпрыгнула на диване.

– Какие два трупа?! – заорала она. – И почему это я до сих пор об этом ничего не знаю?

– Ну, про один труп могу рассказать – мне сегодня с самого утра было явление капитана Бунина, – встряла Алиса и поведала про Муромцева и гибель несчастного Ангелочка. Все слушали внимательно, особенно Инка (ей это по должности положено) и Наташка (что тоже понятно, ведь речь шла о ее клиентке).

Затем Наташка сообщила о внезапной смерти в ее конторе Аллы Перфильевой. Представив, что пришлось пережить их подруге, все остальные сочувственно на нее уставились. Все, кроме Инки, во взгляде которой читалась откровенная злость.

– Нет, с вами повеситься можно! – заявила она, когда Наташка умолкла. – Сначала одна вляпалась в историю с наркотиками, проституцией и убийствами, а мне затыкала рот, чтобы я, не дай бог, не затронула честь ее брачной конторы. Теперь вторая уже неделю сидит на эксклюзивной информации – и тоже ни гугу. Подозреваю, что из тех же корыстных соображений. Вы подруги или где?

– У тебя совесть есть? – осведомилась Алиса. – Меня чуть не убили, и ты, кстати, была первым и практически единственным журналистом, кто осветил эту историю на страницах своей газеты. Не ты ли говорила, что редактор за эту статью грозился целовать следы твоих ног на редакционном ковролине?

– Ага. Поцелует он, дождешься! – плаксиво возразила Инка. – Ту статью уже все забыли. А здесь свежачок, а она молчит.

– И буду молчать! – Наташка грозно зыркнула на разбушевавшуюся подругу. – Муромцев вон уже отметил, что у нас гибнут возвратившиеся из отпуска клиенты. Давай еще про это в газете напишем. И все. Агентство можно закрывать. Не такая я дура, чтобы своими руками рыть могилу собственному бизнесу!

– Это не твой бизнес, а этого козла Развольского, – запальчиво крикнула Инка. Алиса примирительно подняла руки вверх.

– Брек, девочки, а то подеретесь. Давайте договоримся, что ты, Наташа, все будешь Инне рассказывать, а ты, Инна, ничего непустишь в печать, пока Наташа тебе не разрешит. Мы же подруги. Мы должны помогать друг другу, а не гадить.

– Согласна, – примирительно буркнула Инка, и Наташка тоже с сожалением произнесла:

– Согласна.

До позднего вечера на кухне стрельцовой квартиры не прекращалось обсуждение странных смертей. Алиса была уверена, что Ангелочек покончила с собой из-за бросившего ее Муромцева. Наташка почему-то в этой версии сомневалась, Инка ее поддерживала. По ее словам, покончить с собой можно только из-за настоящей трагедии, а изгнание из своей жизни такой редкостной сволочи, как Муромцев, невозможно расценивать иначе, как огромное счастье.

Настя выдерживала нейтралитет. Она, так же как Инка, считала, что Ангелочек не могла испытывать неземной любви к Муромцеву, но считала, что та была вполне способна покончить с собой после того, как он ее бросил. Ведь она наверняка лишалась финансового источника, к которому привыкла.

– Из-за денег в окно кидаться? – Наташка круглыми глазами посмотрела на Настю. – Ты это серьезно?

– Вполне. А как же брюлики, икорка, заграничные курорты? Нет «папика» – нет икорки. Живи на зарплату. От этого кто угодно с пятого этажа сиганет.

– Не зна-а-аю, – протянула Наташка. – По мне так жизнь дороже.

– Вот именно, что по тебе. Ты у нас известная бессребреница, – Настена снова начала заводиться.

В денежном плане Наталья Удальцова действительно была явлением уникальным. Уже много лет она зарабатывала раз в десять больше, чем муж, но еще ни разу его в этом не упрекнула.

Их семейный бюджет был построен так рационально, что семье вполне удавалось совмещать бытовое удобство с сохранением чувства Ленчикова достоинства. Алиса за это Наташку безмерно уважала.

Когда Наташка с Ленчиком только поженились, свекровь разменяла свою квартиру на две, чтобы молодые могли жить отдельно. Уже работая в агентстве, Наташка взяла большой кредит в банке на покупку той трешки, в которой они обитают сейчас. Пока шел ремонт, цены на жилье выросли втрое. В результате, продав свою первую крохотную квартирку, они смогли погасить кредит.

Ленчикова зарплата идет на коммунальные услуги и Ромкину школу. Получив деньги, он сразу же идет в банк, чтобы провести все необходимые платежи. Остаток денег Ленчик кладет на свой мобильный, тщательно следя за тем, чтобы не выбиваться из лимита.

Продукты покупает Наташка. При этом Ленчик категорически не пьет дорогих напитков и отказывается от походов в рестораны. Шиковать на деньги жены он считает неприличным. Несмотря на весьма солидные Наташкины доходы, муж уже много лет подрабатывает репетиторством. Все вечера у него расписаны. Полученных денег хватает на обновление его гардероба и некоторые Ромкины прихоти.

Алиса помнила, как несколько лет назад Наталья с боем выбила разрешение купить Ленчику дубленку и страшно переживала, приобретя еще и норковую шапку. На нее санкции мужа получено не было.

Только в прошлом году она смогла уговорить Ленчика съездить в отпуск всей семьей. Путевки купила сама, а вот деньги на покупку валюты Ленчик заработал, взяв трех новых учеников и подготовив их к сдаче ЕГЭ.

Меблировкой квартиры, конечно, занимается Наташка, но это Ленчика не задевает. Он совершенно равнодушен к интерьеру, а потому никаких новшеств практически не замечает и об их стоимости даже не догадывается.

Наташкин «Фольксваген» принадлежит «VIP-туру». Два года назад Развольский настоял, что у нее должна быть машина, и собственноручно вручил ей ключи. Как-то Алиса в сердцах сказала, что, пожалуй, это единственно полезное дело, которое эта козлина сделала для ее подруги. Ленчик мужественно ходит пешком.

В общем, Наталье действительно не понять, как можно покончить с собой, потеряв мужчину в качестве источника финансирования. Она искренне верит, впрочем, Алиса с ней полностью солидарна, что любая женщина не только может, но еще и должна зарабатывать на жизнь самостоятельно.

Муромцев соврал. Признаться, Бунин с самого начала ему не поверил. Хотя причины особо сомневаться в его словах у Ивана не было.

Возвращаясь от Алисы Михайловны Стрельцовой (до сих пор от этого визита мурашки по спине, хотя Иришка утверждает, что эта баба – василек луговой, а не женщина), Иван пытался придумать этому вранью правдоподобное объяснение.

Маркелову он из окна не выкидывал. Не тот человек. Бросил любовницу, а теперь пытается скрыть, что она из-за него с собой покончила? Да такому человеку, как Муромцев, плевать на репутацию. На нем и так клейма ставить негде. К нему никакая грязь не прилипнет.

Из-за чего они все-таки поссорились? Ответа на этот вопрос Алиса не знает, да, если честно, и знать не может. Ответ может дать только Сергей Васильевич Муромцев собственной персоной. Если захочет, конечно.

В Законодательное собрание капитан Бунин приехал весьма в дурном расположении духа. Настроение испортилось еще больше, когда молоденькая пухлощекая секретарша в приемной, ясными глазами глядя ему в лицо, сообщила, что Сергея Васильевича нет и не будет две недели. Он в командировке.

– Какой еще командировке! – в отчаянье простонал Иван.

– Заграничной. Он в Чили уехал.

– Куда? – Иван решил, что ослышался.

– В Чили. Вернется в первых числах октября.

Рванув на горле душившую его рубаху, Иван выскочил в коридор. Ярость застилала глаза. Ему хотелось крушить все вокруг. Срывать со стен пастельные картины, украшавшие депутатский быт. Топтать ковролин под ногами. Бить стеклянные двери, ведущие на лестницу.

Капитан Бунин был страшен в гневе и знал за собой этот недостаток. Когда он еще жил со своей женой, он не раз и не два метал в стену чашки, а потом, остывая, благодарил бога, что не сорвался, не ударил эту дуру. Однажды он с размаху разбил кулаком столешницу кухонного

стола. Деревянная доска сантиметра четыре толщиной разлетелась на две. Рука перед дождем болела до сих пор.

После развода, когда Иван сбежал от жены, теперь уже, к счастью, бывшей, в другой город, приступы немотивированной агрессии случались реже, но совсем так и не прекратились.

Чтобы прийти в себя, Иван прислонился лбом к холодной стене законодательного коридора, закрыл глаза и начал вспоминать Ирочку. Она была полной противоположностью его бывшей жены. Мягкая, тонкая, все понимающая.

Постепенно кулаки разжались, дыхание стало ровнее. Иван, не спеша, вышел на лестницу, успев мимоходом улыбнуться перепуганной женщине, которая метнулась от него в другой конец коридора.

«Дожил ты, Бунин, – подумал он, – от тебя уже в присутственных местах люди шарахаются. Лечиться тебе надо».

Выйдя на улицу, Иван закурил, огляделся по сторонам в поисках свободной лавочки и решительно достал из кармана мобильный телефон.

– Слушаю вас, – услышал он вальяжный, чуть ленивый голос Муромцева.

– Здравствуйте, Сергей Васильевич. Капитан Бунин, первый отдел.

– Здравствуй, капитан. Не буду говорить, что рад тебя слышать.

– Почему вы уехали, я же просил вас не покидать город?

– Ты просил, я не послушал. Неприкосновенный я. Подписки ты с меня не брал. А у меня дела. Что же, бизнес встать должен только потому, что Гелька в окно сиганула? Кстати, если ты до сих пор считаешь, что это я ей помог, то наведи в Собрании справки. Я в тот день, когда ей жить надоело, в составе депутатской делегации в Питер ездил. Рядом со мной человек пятнадцать было. Так что, как тебе ни грустно это осознавать, капитан, а у меня алиби есть.

– Плевать я хотел на ваше алиби. По какой причине вы поссорились с Ангелиной Степановной?

– Экий ты упертый, капитан! Я ж тебе русским по белому сказал, что мы не ссорились.

– Сергей Васильевич, есть свидетели, которые утверждают, что, находясь в Турции, вы с гражданкой Маркеловой крепко поругались, после чего уехали домой, оставив ее одну. А она, кстати, ходила и плакала.

– А ты, капитан, оказывается, жалостливый. Нда. Я даже знаю, как те свидетели выглядели. Этакий симпатичный бабец с любопытными глазами и мальчонкой-подростком. Прав я или нет?

– Почему вы поссорились с Маркеловой, Сергей Васильевич?

– Да бабла она у меня попросила, – заорал Муромцев. – Много. А я сказал, что не обалдел такими деньгами расшвыриваться.

– Но вы ведь давали ей деньги.

– Я ей на жизнь давал. Штуку баксов в месяц. Подарки дарил, ну, колечки там всякие, шубу норковую. Она всегда свою меру знала. А тут, видать, на солнце перегрелась и заявила, что ей нужны три миллиона.

– Сколько?

– Три мульты.

– Ни фиги себе, – не выдержал Бунин.

– Так и я про это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.